

«Руслан и Людмила» в первый раз поставлен*:

1842 года	ноября 27, 29, 30	игран	3 раза
	В декабре:	1, 3, 4, 7, 9, 11, 14, 16, 22, 28, 30, 31	12 раз
1843 года	В январе:	2, 4, 7, 11, 15, 19, 25, 29	8 раз
	В феврале:	2, 8, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21	9 раз
	В апреле:	18	1 раз
	В мае:	2	1 раз
	В июле:	14, 27	2 раза
	В августе:	26	1 раз
	В сентябре:	8, 21	2 раза
	В ноябре:	14	1 раз
	В декабре:	5, 20	2 раза
1844 года	В январе:	23	1 раз
	В феврале:	2	1 раз
	В апреле:	9	1 раз
	В сентябре:	17, 24	2 раза
1845 года	В январе:	6	1 раз
	В феврале:	25	1 раз
	В октябре:	7	1 раз
	В ноябре:	4	1 раз
1846 года	В январе:	13	1 раз
	В апреле:	14	1 раз
Итого:			53 раза ³¹⁶

Часть четвертая

(От июня 1844 до мая 1854 года)

С[анкт] П[етер]бург. 25 января 1856 года

Период 11

Путешествие и пребывание в Париже

Мы заехали на короткое время в деревню. Я пробыл несколько дней с матушкой в Новоспасском, заехал в Беззаботье к Николаю Дмитриевичу Гедеонову, оттуда чрез Смоленск в Варшаву³¹⁷. Ехали мы на почтовых в коляске, купленной мною в 1840 году. Из Варшавы, чрез Познань, в Берлин³¹⁸. Там я провел несколько дней с Э. Деном (бывшим моим учителем контрапункта). Со мною были партитуры моих опер³¹⁹. Ден остался чрезвычайно доволен моим терцетом из «Жизни за царя» «Не томи, родимый».

Из Берлина на почтовых же отправились мы в Кельн, где оставили коляску. Железной дорогой домчались до Ахена, где пробыли несколько дней; из Ахена в Брюссель**, оттуда по железной дороге

* Вся страница со сведениями о представлениях оперы «Руслан и Людмила» написана неизвестной рукой. На обороте этой страницы рукою Глинки написано: «Приложение к Запискам М. И. Глинки». Ниже нарисована ослиная голова.

** В Брюсселе были праздники Кермès³²⁰. — Блаз (кларнетист) часто бывал со мной, и в саду я слышал необыкновенно стройный оркестр духовых инструментов, состоящих из ремесленников. Подобные оркестры были в Лютихе, Антверпене и Ген-те. К сожалению, это общество уже не существует. — *Примеч. Глинки.*

до города М о n s, а потом в дилижансе в Париж.

Мы въехали улицами faubourg Monmartre и rue Monmartre. Огромность семиэтажных домов и необыкновенное движение на улицах поразили меня самым приятным образом. Th é o d o g e (Геденов), оставя меня, Адель и наши вещи в конторе дилижанса, сейчас же отыскал нам квартиру, и мы переехали в Passage de l'opéra (de L'Horloge), на 6 этаж, в маленькую, но опрятную квартиру. Это было около второй половины июля, время было жаркое, из окон наших видна была лучшая часть бульвара. Обедать ходили мы в ресторации.

В это время между нашими соотечественниками были М. Л. Невахович (издававший впоследствии «Е р а л а ш») и И. Д. Норов, привезший с собой хороший запас денег (до 80 000 фран.). Первый забавлял меня своими шутками и карикатурами, а второй требовал, чтобы я всегда принимал участие во всех parties de plaisir *, которые он затевал.

В конце июля были праздники в память Июльских дней (journées de Juillet), жуты (joutes)³²¹ на Сене и иллюминация, куда, по незнанию, отправясь вместе с толпою, едва не были мы раздавлены. Нас спас француз из Петербурга по имени m-r Edouard, он же носил меня** на плечах по большой аллее Елисейских полей, чтобы мне виднее была иллюминация.

В сентябре приехал в Париж князь Элим Мещерский, он начал переводить на французский язык некоторые из моих романсов³²². Это трудное предприятие, однако, не удалось; болезнь, а потом преждевременная кончина князя (в ноябре того же года) не допустила привести в исполнение этого труда.

Я тщательно осматривал достопримечательности Парижа. В Версале был с князем Элимом и графом Михаилом Юрьевичем Вельегорским, который провел несколько дней в Париже.

Около того же времени (в сентябре) узнал я, что Лист отправился в Испанию³²³. Это обстоятельство возбудило мое давнишнее желание побывать в Испании так сильно, что, не откладывая, я написал об этом матушке, которая не вдруг и даже не скоро согласилась на это мое предприятие, опасаясь за меня³²⁴.

Не теряя времени, я принялся за дело. Князь Элим Мещерский познакомил меня с испанцем S o u z a, он принадлежал к испанскому посольству, был прежде того и в Петербурге, знал хорошо музыку, которой учился у известного композитора Шуберта, и вообще был человек образованный и приятный в обществе. Он отрекомендовал мне учителем испанского языка испанца по имени Biesma Guetrego (он впоследствии был учителем детей Людвига-Филиппа). В самую первую лекцию он объяснил мне характеристические черты испан-

* Увеселительных прогулках (франц.).

** Слово *меня* вставлено карандашом В. В. Стасовым; в копии это слово вставлено Глинкой.

ского языка; сейчас после того я переводил «Хилблаза»³²⁵ с французского на испанский язык, к следующей лекции я записывал перевод, он исправлял его, я его переписывал начисто, прочитывал несколько раз вслух и таким образом упражнялся в произношении, привыкал к испанским оборотам и почти помнил все переведенное мною наизусть. В то же время читал испанскую комедию «El sí de las niñas»³²⁶, разные литературные отрывки из хрестоматии, в том числе отрывки из «Дон Кихота» Сервантеса. Следуя этой превосходной системе, я в короткое время начал понимать испанский язык и даже несколько говорить на нем.

В сентябре же месяце мы с Théodore и Adèle переехали в rue de Provence, № 5. У нас была довольно большая зала; кушанье готовили дома, и всегда у нас был лишний прибор для приятеля.

Я попробовал было лечиться и о д о м у доктора Ш у с т е р а, но без малейшего успеха.

Я жил разнообразно и искренно веселился с приятелями до ноября месяца*. Стало очень свежо и туманно, не приходилось проводить большую часть дня на улице, как то бывало прежде. Некоторые из приятелей уехали, другие завелись барынями и стали жить домоседнее. Мне самому запала мысль обзавестись подругою; для того я начал посещать маленькие театры, в особенности бывший в то время в улице de la Victoire, противу дома пианиста Генриха Герца, театр Chantereine. На этом театре упражнялись молодые артисты и артистки, играли также любители и любительницы драматического искусства. Некоторые пьесы шли очень недурно. Я подметил несколько миловидных артисток, и мы с Теодором пригласили их к себе.

Чтобы нас посещали еще охотнее, мы затеяли вечера. Собирались около 8 часов вечера несколько молоденьких актрис, а также несколько соотечественников и иностранцев. Общество было приятное, пели, танцевали, потом подавали чай, пунш (легкий, разумеется) и в заключение большой сладкой пирог**. Все это было Теодором ловко устроено, веселились мило, а вечера стоили не много. Все должно было оканчиваться в 11 часов. Если же танцы иногда продолжались позже, то недолго, со всех этажей являлись кухарки (les bonnes) и жаловались, что беспокоят их госпож, которые почти всегда ссылались одна на головную боль, другая на мигрень и т. п.

На одном из этих вечеров, после нескольких туров вальса с одною из молодых актрис, я почувствовал к ней особенное влечение. Я сейчас начал ухаживать за нею, бывал в театре Chantereine всякий раз, когда играла Аделина, провожал ее до дому. Долгое время

* В копии на полях рукой Н. В. Кукольника приписано: «Чего-то нет».

** Слово *пирог* вставлено карандашом рукой неустановленного лица. В копии после слова *сладкой* поставлен крестик, вынесенный на поля с примечанием Н. В. Кукольника: «+ ? Пирог, что ли?» Глиной приписано снизу: «действительно, пирог!» В оригинале вся эта фраза вычеркнута карандашом.

Аделина упорствовала до такой степени, что я потерял надежду. Однако же около последних чисел декабря дело уладилось.

Аделина была не красавица, но в неопределенном выражении глаз и в улыбке ее (особенное преимущество француженок) было много прелести. Она была хорошего роста; имела талию прекрасную, одевалась со вкусом, а в приемах и обращении ее было много достоинства. Ей было тогда около 22 лет, она [жила] с малолетнею дочкою и матерью*.

Я переехал в rue de Provence, № 22³²⁷, и скоро после того прилачился так, что постоянно обедал у Аделины, склонность к которой не изменялась.

По утрам обыкновенно я занимался испанским языком, писал письма и проч., потом прогуливался, навещал знакомых, после чего обедал у Аделины. После обеда бывали мы в театре, или же я оставался у нее; топили камин, и мы играли в маленькую игру в карты с матерью ее и братьями.

Аделина продолжала упражняться в драматическом искусстве и довольно успешно дебютировала в театре Monmartre. Я иногда учил ее пению, но наши занятия шли плохо, хотя она прежде того училась музыке у хорошего maestro. Когда Аделина дебютировала в театре de Variété, я был в одной из лож театра вместе с ее матерью и братьями. От робости ль или так, по привычке, она пела так неверно, что соседи наши поминутно восклицали: «Ah, mon Dieu, qu'est-ce qu'elle a donc, sette femme!»** Мы краснели, но делать было нечего.

Зимой приехало много моих знакомых соотечественников. Между ними князь Василий Петрович Голицын (тот, у которого я жил на Черной речке). Он и другие приятели и русские барыни уговорили меня познакомить Париж с моей музыкой, и я, по глупости***, согласился на то.

Souza, у которого я бывал часто, узнав об этом намерении, предложил мне свои услуги. Он познакомил меня с Гектором Берлиозом****³²⁸, который в то время помышлял о путешествии в Россию, надеясь на обильную жатву не одних рукоплесканий, но и денег. Он обошелся со мною чрезвычайно ласково (чего не добьешься от большей части парижских артистов, которые невыносимо надменны), — я посещал его раза по три в неделю, откровенно беседуя с ним о музыке, и особенно об его сочинениях, кои мне нравились, в особенности в фантастическом роде, как-то: Schegzo «L a

* Вслед за этим густо зачеркнут следующий абзац: «Адель любила Аделину до безумия, и так как я также любил мою подругу, то, естественно, баловал ее. Адель требовала того же от Теодора; возникли неудовольствия, которые кончились тем, что Теодор повздорил из-за Аделины со мною». В копии этот абзац вычеркнут.

** «Бог мой! Что с ней, с этой женщиной!» (франц.).

*** В копии на полях рукой Н. В. Кукольника приписано: «NB. Ты, брат, не глуп, а глупость может сделать и мудрец».

**** На полях рукой В. В. Стасова приписано: «В письмах того времени М. И. говорит, что с Берлиозом его познакомил князь Гр. Петр. Волконский».

reine Mab» из «Ромео и Юлии», «La marche des Pèlerins» из «Harold», «Dies irae» и «Tuba mirum spargens sonum» из его «Requiem».

Я часто бывал у Souza; однажды я застал у него испанца лет 50 по имени Don Santiago. Souza отозвался об нем как о человеке честном и расторопном. Получив позволение от матушки ехать в Испанию, я попросил Don Santiago сопутствовать мне, до времени же нашего отъезда он состоял у меня в качестве мажордома, живя особо; я платил ему за то 100 франков в месяц.

В марте месяце Берлиоз дал два концерта-monstre* в цирке на Елисейских полях³²⁹. Ему понравилась моя лезгинка, которую я переделал на один оркестр. Сверх того, я с Берлиозом попросили г-жу Соловьеву (урожденную Verteuil), вышедшую замуж за г-на Melchior, находившуюся тогда в Париже, спеть каватину из оперы «Жизнь за царя» «В поле чистое гляжу», на что она охотно согласилась.

Пошли репетиции — тогда убедился я, что французы не могут похвалиться вниманием и любят поболтать с соседями. Подметил также, что иногда, особенно в трудных пассажах, прибегают к табакеркам и носовым платкам. В этой невнимательности не менее того я убедился в одном из концертов Парижского консерватория! Играл 6 симфонию Бетховена («Symphonie pastorale») ³³⁰, исполнение было превычурное, так что я симфонию Бетховена не узнал и тогда же сказал: «On m'a escamoté la symphonie»**. Кроме того, духовые иногда срывались — в особенности валторны и кларнеты.

Во время концерта Берлиоза в цирке лезгинка моя не произвела желанного успеха, ибо большая часть эффектов были рассчитаны мною на игру между двумя оркестрами — одним на сцене, состоявшим из духовых, а другим ниже сцены (в оркестре), где преобладают смычковые инструменты. У Берлиоза всех музыкантов было до 150 — следственно, они были растянуты, отчего слушатель не мог обнять целого, а до него доходили только звуки тех инструментов, которые находились поближе.

Соловьева струсилась, запнулась и растерялась; я же дал знак, чтобы начали сначала; услышав ригурнельку, Соловьева оправилась и хорошо пропела арию. Несмотря на это, ария также не произвела эффекта. Между прочим в журнале «Chagrivagi» сказано было об этой каватине, что в ней слышна беспрестанно одна и та же нота («on entend toujours la même note»). Тогда я очень негодовал на это, но теперь вижу, что критик совершенно прав: в allegro каватины «Там за речкой во слободке» слишком часто и резко обозначается квинта главного тона, что очень национально, но утомительно-единообразно.

Наступило время приготовлений к концерту³³¹.хлопот было мно-

* Чрезвычайных (франц.).

** «У меня украли симфонию» (франц.).

жество; желая угодить на все вкусы, я хотел, кроме пьес своего сочинения, пригласить и других артистов, из коих некоторые и согласились принять участие. Вышла афишка самая пестрая: тут была и увертюра «Семирамиды» Россини, и «Вариации на русские темы», исполненные на скрипке Гауманом, и еще какая-то пьеса для скрипки, им же исполненная. Котлетнейшим образом играл две пьесы собственного изделия мощный пианист Леопольд Мейер. Из моей музыки исполнили К р а к о в я к из «Жизни за царя», м а р ш Ч е р н о м о р а и в а л ь с (Valse-fantaisie, h-moll), названный S c h e r z o. Соловьева должна была исполнить каватину Людмилы и «Сомнение», но она занемогла, и ее заменил очень опрятный тенор M a r r a s, который спел итальянский мой романс «Il desiderio» («Ah, se tu fossi meco»*) и «U n a f u r t i v a l a g r i m a» из «Elisir d'amore»** Доницетти.

Концерт этот произведен был в зале Герца в апреле месяце (числа не упомяну). Расходы были значительны, и я занял 1500 фран. у князя Василия Петровича Голицына. Хотя концерт этот дан был в пользу какого-то общества³³², но расходы были велики, и впоследствии мне довелось заплатить кн. Голицыну взятые у него взаем деньги.

Несмотря на это, во время концерта зал был полон: русские дамы как будто сговорились украсить концерт соотечественника своего; они явились в великолепном убранстве, так что в одном из журналов сказано было, говоря о моем концерте: «q u e c ' é t a i t u n p a r t e r g e d e f l e u r s»***. Аделина сидела в 3-м ряду, и когда я приходил на сцену, чтобы аккомпанировать певцу Маррас, она краснела от участия.

Естественно, что парижской публике нельзя было познакомиться с моим музыкальным талантом по немногим пьесам, и к тому же не самым лучшим моего сочинения, данным в концерте моем. Несмотря на это, я имел успех (succès d'estime****). Во многих журналах писали обо мне; редактор «Revue Britannique» написал обо мне чрезвычайно милую статью, писал также Maurice Bourges, и, наконец, Берлиоз написал огромную статью с краткой биографией моей под названием «Michel Glinka» в фельетоне «Journal des Débats»³³³.

Мельгунов доставил Берлиозу нужные сведения для этой статьи. Она мною утрачена*****, желающие прочесть ее могут ее отыскать в фельетоне «Journal des Débats» в апреле или мае 1845 года.

Я часто навещал Берлиоза, его беседа была весьма занимательна, он говорил остро и даже зло (mordant); по возможности я содействовал успешному его путешествию в Россию³³⁴.

* «Желание» («О, если б ты была со мной») (итал.).

** Романс Неморино из оперы «Любовный напиток».

*** «Что это был цветник» (франц.).

**** Умеренный успех (франц.).

***** В копии рукой Н. В. Кукольника приписано: «И не жалею».

Период 12 :

Путешествие в Испанию, пребывание в Испании и возвращение в Россию

1845 года в половине мая по нашему стилю я отправился в Испанию с Don Santiago и его 9-летней дочкою по имени Rosario*. Пообедав у Аделины, я распростился с нею с слезами и в нанятой коляске отправился на железную Орлеанскую дорогу. Из Орлеана на почтовых в 3-е суток примчались мы в П о, где остались несколько дней. Во время пути затерялся мой паспорт; Don Santiago потерял голову, но я никак не хотел отстать от своего намерения быть в Испании. Обратились мы с Santiago к мэру тамошнего департамента; письма, писанные ко мне, печать моя, статья Берлиоза и, наконец, свидетельство случайно находившегося в П о актера, бывшего в России, послужили основанием для выдачи мне временного паспорта.

В то самое время, когда мне начали изготовлять паспорт и я уже заплатил по тамошнему узаконению 10 франков пошлины, вследствие сделанной Don Santiago публикации, мой паспорт отыскался. Немедля мы отправились из П о в дилижансе в пограничный городок St. Je an p r i e d-d e-p o r t, доехали до пограничной деревеньки, а оттуда дошли пешком до испанской таможни Val car los. Я вступил в Испанию 20 мая, в самый день моего рождения, и был в совершенном восторге. Чрез Пиренеи ехали мы на трех мулах, навьюченных нашими вещами. Первую ночь провели в Ron se s-va l l e s, на другой день буря и гроза настигли нас верстах в 6 от П а м п л о н ы³³⁵, куда мы прибыли в следующий день поутру. Вид Пиреней в том месте, где мы чрез них проезжали, не столь живописен, как швейцарские Альпы. В Памплоне я видел в первый раз испанскую пляску, второстепенными артистами исполненную. Из Памплоны в дилижансе отправились мы в Vittoria, оттуда, переехав Эбро в Miranda de Ebro, очутились мы в ущелии Рапсого; это ущелье носит чисто африканский характер. В Бургосе осмотрели мы собор. Прибыв в Вальядолид³³⁶, где решили провести лето, мы поселились у сестры Don Santiago. Мне отвели две опрятные комнаты. Я начал продолжать изучение испанского языка и в короткое время начал говорить свободно по-испански. Завелся лошадью и с зятем Don Santiago ездил ежедневно верхом по окрестностям Вальядолида, которые недурны. Возле самого города место, называемое Es p o l o n v i e j o, очень живописно; вдоль реки Pisuerga тянется роща из серебристых тополей. На горах (collines), окружающих Valladolid, вершины совершенно плоски (pàramos) и покрыты ароматическими травами и растениями, как-то: шалфеем, лавендой, tomino и проч.

По вечерам собирались у нас соседи, соседки и знакомые, пели, плясали и беседовали. Между знакомыми сын одного тамошнего

* В копии приписано: «Notre dame de rosaire» (Богоматерь с четками) (франц.).

негоцианта по имени Felix Castilla бойко играл на гитаре, в особенности арагонскую хоту, которую с его вариациями я удержал в памяти и потом в Мадриде, в сентябре или октябре того же года, сделал из них пьесу под именем «Capriccio brillante», которое впоследствии, по совету князя Одоевского, назвал Испанской увертюрой³³⁷.

В августе я с семейством Don Santiago отправился в Сеговию, город примечательный по древнему водопроводу (aqueduc) и по дворцу Alcazar, в котором, кроме наружного вида, примечательны плафоны. Alcazar служил прежде тюрьмой для государственных преступников, теперь же обращен в артиллерийское училище.

Были мы также в S.-Ildefonso или La Granja, видели там сад, оранжереи, и в особенности фонтаны, кои превосходны, и вода кристально чистая. Общего же вида, как в Петергофе, нет, а бьют фонтаны один за другим.

Возвратясь в Valladolid, мы пробыли там недолго. В первой половине сентября отправились в Мадрид³³⁸. Don Santiago взял с собою дочку Rosario и племянницу Mariquita. Несколько дней после приезда в Мадрид наняли мы маленькую, но уютную квартиру, купили опрятную мебель и поселились так, что и мне, и семейству Don Santiago было недурно. Квартира эта находилась в самом центре города, называемом Puerta del Sol; это маленькая площадка, к которой примыкают 6 главных улиц³³⁹.

Мадрид с первого раза мне не понравился, узнав его впоследствии, я вернее оценил его. По-прежнему я продолжал изучать испанский язык и испанскую музыку. Для достижения этой цели я начал посещать драматический театр del Principe, на котором Romea и жена его Matilde превосходно исполняли первые роли в трагическом и комическом роде. Давали даже иногда драмы классических авторов. Вскоре по приезде в Мадрид я принялся за «Хоту»³⁴⁰. Потом, окончив ее, внимательно изучал испанскую музыку, а именно напевы простолюдинов. Хаживал ко мне один zagal (погонщик мулов при дилижансе)* и пел народные песни, которые я старался уловить и положить на ноты³⁴¹. Две Seguedillas manchegas (airs de la Mancha) мне особенно понравились и впоследствии послужили мне для второй Испанской увертюры³⁴².

Пользуясь приятною осеннею погодою, мы вдвоем с Don Santiago отправились в Aranjuez, где меня поразили аллеи из огромнейших платан и пирамидальных тополей; понравился мне также маленький дворец (casa del labrador**) ³⁴³. В большом же дворце фарфоровая и зеркальная залы произвели на меня не столько приятное впечатление.

Толедо — едва ли не самый живописный город в Испании, он весь почти сохранился как был в средних веках. Кроме собора (где

---

* Испанский дилижанс отлично описан А. Дюма в письмах его «De Paris à Cadix». — Примеч. Глинки.

** Сельский домик (исп.).

я играл на органе) и других архитектурных монументов, самое местоположение города весьма живописно.

Мы с Don Santiago навестили также Escorial, который также в первый раз мне не понравился.

Я усердно осматривал главные примечательности Мадрида. Был на травле быков, первое впечатление было какое-то дико-странное, но потом я привык и впоследствии находил занимательность в этой кровавой драме, где каждый участвующий находится в бесперывной опасности.

Музеум, т. е. картинную галерею, посетил я с талантливым русским архитектором Бейне. Он путешествовал по Испании с молодым англичанином, также архитектором³⁴⁴. Бейне однажды в бенефис тенора Guasco затащил меня в театр de la Cruz, где давали на мое горе «Hernani» Verdi, и насильно продержал меня во все время представления.

В театре Circo давали балеты. Там танцовщица Gui-Stefani отлично (хотя вычурно) танцевала Olé и Jaleo de Xeres (Халео де Херес)³⁴⁵; музыка этой последней пляски, хотя сочиненная дирижером балетного оркестра Скочдопом (чехом), мне понравилась, и я сохранил ее в памяти³⁴⁶. Gui-Stefani превосходно танцевала также Seguedillas manchegas в costume испанского студента.

Последнюю часть осени я жил домоседно. Знакомая племянница Don Santiago, Ramona Gonzales, довольно миловидная девушка, часто бывала у нас, и я за ней волочился. Она познакомила меня с молодым человеком Дон José Alvares, игравшим хорошо на флейте и страстно любившим музыку.

Я сделал в Мадриде несколько знакомств; упомяну теперь о перчаточном фабриканте Lafin, который поселился в Мадриде. Сестра его m-me Gémisieux, у которой я постоянно покупал перчатки в Париже, дала мне к нему письмо. Письма рекомендательные чрезвычайно уважаются в Испании. Lafin во все время пребывания моего в Испании не переставал оказывать мне услуги, и ему я обязан многими приятными минутами.

В конце ноября я с семейством Don Santiago отправился в Гранаду³⁴⁷. В Мадриде было холодно, а во все время пути до самой Siegga Mogena шел дождь. Самую живописную часть гор, известных под названием Despena perros, проехали мы ночью. Когда мы достигли вершины хребта в Santa Elena, мы были уже в Андалузии. В конце ноября там было несколько свежо, трава была совершенно зелена, и вечнозеленые дубы заставляли забывать, что мы были в зимнее время. По мере того как мы спускались с Siegga Mogena, климат чувствительно становился мягче, а вид природы приятнее, и вскоре мы были со всех сторон окружены оливковыми рощами, кое-где мелькали агавы, которые там употребляют, чтобы огораживать участки земель.

В Carolina (швейцарской колонии, основанной Карлом III) мы отлично позавтракали, ночью приехали в Jaen (Хаен), где нас

накормили плохо. Ночью и на другой день мы ехали через пустынные живописные горы, потом въезжали в узкую долину, которая примыкала к большой долине, называемой Vega di Granada.

Мы остановились в одной из лучших гостиниц, где квартира нам уже была приготовлена доктором Jedor, к которому знакомые Don Santiago писали из Мадрида. Вскоре по приезде нашем в Гранаду явился к нам по рекомендации мадридского перчаточного фабриканта Lafin несколько пожилой, но еще очень бодрый человек Don Francisco Bueno y Moreno. Он сначала был контрабандист, но нажил состояние и решился сделаться честным гражданином. Он завел перчаточную фабрику и, сверх того, торговал кожей.

На другой или третий день он познакомил меня с лучшим гитаристом в Гранаде по имени Murgiano. Этот Murgiano был простой безграмотный человек, он торговал вином в собственном шинке. Играл же необыкновенно ловко и отчетливо. Вариации на национальный тамошний танец Fandangó, им сочиненные и сыном его положенные на ноты, свидетель[ствовали] о его музыкальном даровании. Пробыв несколько дней в гостинице, мы переехали на квартиру, но она оказалась слишком неудобною. Между тем мы узнали, что недалеко от Аламбры можно на горе найти опрятный домик с садиком, и я решился жить, так сказать, на даче.

За 50 руб. асс. в месяц мы наняли опрятный двухэтажный домик с бельведером; в саду, расположенном террасами, было несколько маленьких фонтанов и бассейн в виде огромной ванны. Были плодородные деревья, огромное апельсинное дерево и цветы в продолжение всей зимы, которая с 1845 на 1846-й год была так хороша и тепла, что, за исключением трех недель, в течение трех месяцев мы ежедневно обедали в саду, и нередко в летних сюртуках. Don Santiago завел гусей, уток и других домашних животных, которые во время обеда приходили к нам и ели из рук наших.

Не стану описывать Гранаду-Аламбру — все это уже известно. По вечерам я спускался в город, где проводил время приятно у знакомых Don Francisco. Пели, плясали и забавлялись различным образом. Don Francisco познакомил меня с барын[ями], где я завел пропажу, или пристанище. Приехали Бейне с англичанином Робинсоном (если не ошибаюсь); мы весело проводили время в пропаже. Я ходил в Аламбру, когда они рисовали, а они, в свою очередь, навеща[ли] меня, а иногда завтракали и обедали у меня.

Don Francisco по моему желанию отыскал миловидную андалузку, которая славилась пением народных песен³⁴⁸. Ей было лет 20, она была небольшого роста, интересной физиономии, сложения крепкого. Ножка же ее была детская, голос очень приятный.

Не без хлопот и опасностей поладил я с нею; наконец решился вывезти ее в Мадрид, что также обошлось не без затруднений. Во время пребывания моего в Гранаде с помощью Don Francisco Bueno y Moreno, также с содействием Murgiano и его сына,

я был свидетелем всех бывших в то время праздников и домашних увеселений и обычаев. По ночам они мне сопутствовали, потому что в Гранаде в то время было не совсем безопасно.

Встретив однажды миловидную цыганку (*gitana*), я спросил ее, умеет ли она петь и плясать; я получил утвердительный ответ и вследствие такового пригласил к себе цыганку с товарищами на вечер³⁴⁹. Распорядился *Miguel*, он же играл на гитаре. Плясали две молодые цыганки и старый смуглый цыган, похожий на африканца; он плясал ловко, но слишком непристойно.

Пробовал я сам учиться танцевать у тамошнего танцовщика *Pello*, ноги повиновались, но с кастаньетками я не мог справиться.

Путешествие из Гранады в Мадрид всегда останется в памяти моей. *Don Santiago* с семейством отправился особо, я же в половине марта с *Dolores Garcia*, моей певуньей, поехали в галере. Этот экипаж недаром назван галерой. Он вроде большой жидовской фуры с навесом, не помню из кожи или холста; он весь навален клажей, сверху которой полагаются матрацы пассажиров, на которых они сидят друг противу друга. Теснота такая, что нельзя шевельнуться; противу меня сидела огромная тучная баба, от которой в короткое время ноги мои почувствовали невыносимую пытку. Ехали шагом по 4 версты в час, останавливались два раза в сутки по 3 или 4 часа, ехали же, или, правильнее, тащились по 7 и 8 часов безостановочно. Я значительную часть пути прошел пешком.

По приезде в Мадрид вскоре отыскалась та же самая квартира, которую мы прежде занимали с *Don Santiago*; я в ней поселился с *Лолей* (сокращение слова *Dolores*). Трудно мне было с моей подругой первое время, она часто бывала со мной у своих приятельниц-гранадинок, и нет сомнения, что они ее сбивали с толку. К счастью, все они выехали из Мадрида, тогда *Лоля* видимо изменилась, и последнее время мы жили с ней душа в душу. Несмотря на это, однако же, я видел ясно, что из нее артистки никогда не выйдет, и потому решился отправить ее обратно к матери, что и исполнил в июне 1846 года.

В мае того же года *Don José Alvarez* познакомил меня с земляком своим *Don Pedro Fernandez*³⁵⁰, который приехал из *Паленти* и для усовершенствования себя в музыке. *Don Pedro* изредка навещал меня, когда еще была со мною *Лоля*.

Когда же она уехала и он заметил, что я грустил, он стал ежедневно навещать меня и сопутствовал мне в моих прогулках, преимущественно ходили мы гулять в *Retiro* (*retraite*)* — королевский сад.

В конце июня я с *Don Santiago* отправился в *La Granja*** и *Сеговию*; я желал там остаться на лето, но это оказалось неудобным.

По возвращении в Мадрид я написал *Don Pedro*; он пришел

* Убежище (*исп., франц.*).

** В оригинале *La graja*; в копия рукой Глипки сделаны исправление и приписка на полях: «*La granja*, по-русски *Ля-Гранха*».

ко мне и, узнав, что я желал поселиться вместе с ним и его товарищами, совестился, говоря, что они живут скудно. Я же настоял на своем, и тот переехал к доктору Don Pedro, который отдавал комнатки со столом и прислугою студентам и молодым чиновникам. Все они милые и образованные молодые люди. Don Pedro твердил этюды Крамера под моим руководством. С хозяином нашим, другим Don Pedro, я читал Калдерона, но не с большим успехом, язык автора казался мне очень трудным. Музеум я знал наизусть, после обеда вместе с товарищами ходил я в Прадо³⁵¹, по вечерам к нам собирались знакомые и сидели долго за полночь, до утренней зари я нередко хаживал гулять за город; возвратясь около 8 часов утра, пил чай и ложился спать.

В августе я отправился в Эскориал, а чтобы не скучать там, пригласил с собой молодую, рослую и красивую толеданку по имени Зефирина (Cefirina) с спутницей. Несмотря на то, что дамы иногда ссорились, я приятно провел время в Эскориале. Во время каникул там мы дышали чистым, свежим воздухом; прогулки пешком и на ослах, театр, а более всего сокровища искусства, заключающиеся в монастыре, очень приятно занимали нас во все время нашего там пребывания.

Вскоре по возвращении в Мадрид мы с Don Pedro получили приглашение от старшего брата Don José Alvarez навесить его в Мурсии, где в сентябре бывает ярмарка и затевался детский театр.

Выехав из Мадрида в последних числах августа, на другой день в дилижансе мы прибыли в Albacete; оттуда мы наняли тартану (экипаж на 2 колесах, без рессор, с навесом из жолста) с одной мулой и извозчиком. Мы тащились медленно; первую ночь провели в городке Неллин (Ельин), вторую в Cieza, где уже появились пальмы. На третий день, вскоре по выезде из Cieza, один контрабандист попросил нас довести девочку лет 10 до половины пути, на что мы согласились, и хорошо сделали. Мурсия страна очень живописная, но дороги в то время были хуже наших проселочных, а так как долгое время шли проливные дожди, то дорога значительно испортилась. В одном месте, не доезжая Molina, накопилось воды в болотном месте столько, что там вязли фуры с товарами. Контрабандист наш был из Molina, он знал местность; осмотрев хорошенько и выбрав лучшее для переправы место, перенес нас чрез воду на своих плечах, а потом помог извозчику перетащить тартану.

Пообедав в Molina, мы продолжали путь и вечером того же дня прибыли в Мурсию. Don José Alvarez уже велел приготовить нам квартиру у одного из подведомственных ему чиновников. У нас была огромная зала и по спальне у каждого. Нашелся фортепиан, а так как чиновник, у которого мы жили, был человек семейный, то были у него дочери, родственницы, а к ним приходили их знакомые. У нас в зале образовались сходки, каждый вечер — пели, играли на гитаре и плясали. Иногда плясали и в наше отсутствие.

Не менее приятно проводили мы время в семействе Don José Alvarez, с ним ездили почти ежедневно в большой тартане

по окрестностям. Близлежащие горы и *Monte agudo*, красивой формы, покрытая кактусами, весьма живописны.

Mурсия славится долиною (*huerta*); она имеет до 3 или 4 верст в ширину и до 60 или более в длину. Главное произведение — шелковичное дерево, кое-где группы финиковых пальм, кои растут превосходно, лимонные деревья и другие — фруктовые; по долине рассыпаны живописные хижины. Яркая зелень составляет приятную противуположность с близлежащими горами из розового гранита.

Детский театр состоял в том, что готовилась для потехи родителей «*Норма*» *Беллини*, долженствовавшая быть исполнена детьми. Мы были на пробе, и действительно, дети пели недурно, а *Норма* 11 лет пела хотя еще не совсем удовлетворит[ельно], но с увлечением и превосходно играла.

Во время ярмарки многие барыни и барышни носили живописные национальные платья. Тамошние цыгане красивее и богаче, нежели в Гранаде, — они три раза плясали для нас, одна 9-летняя цыганочка плясала особенно хорошо.

1 октября мы отправились из *Мурсии* обратно в *Мадрид* в тартане, запряженной огромною мулою. Заехали в *Orihuela*, потом *Elche*, окруженный пальмовыми рощами; оттуда чрез *Aspe*, *Novelda*, *Elda*, *Villina* в *Almansa*. Эти места принадлежат королевству *Валенсии* (*regno di Valencia*) и очень живописно-разнообразны.

Тартана меня измучила, и я хотел отпустить извозчика с мулой, но не мог найти удобного места в дилижансе, потому что со всех сторон *Испании* публика стремилась в *Мадрид* по случаю бракосочетания королевы и сестры ее³⁵². Надлежало продолжать путь в тартане; измученный, я доехал в *Мадрид* вовремя.

Там поселились мы у одной андалузки из *Севильи*; она была женщина пожилая, но ласковая и приветливая, с ней была миловидная дочка лет 19 и сын лет 20. Кроме нас был еще жилец, адвокат из *Тарифа*.

Мы видели празднества по случаю бракосочетания королевы и сестры ее, а именно: поезд из дворца в *Атогу* (монастырь), где происходило венчание и куда нам попасть было невозможно; танцы на площадях на устроенных для того подмостках; травлю быков на *Plaza mayor*; наконец фейерверк и иллюминированный *Parade* разноцветными шкаликами.

Осень была холодная, и в ноябре я переехал в *Parador de las diligencias* в улицу *Alcala*, откуда в конце того же ноября отправился я с *Don Pedro* в *Севилью*³⁵³. Мы остались в *Кордове* с лишком сутки, осмотрели *Мескиту*, обращенную в *cathédrale*³⁵⁴, и сделали несколько знакомств; от одного из них получил рекомендательное письмо в *Севилью*. Прибыв в *Севилью*, мы сперва пристали в «*Fonda de Europa*», потом попробовали жить в «*Casa de huéspedes*» (*en pension***), что, однако же, оказалось неудобным,

* Собор (франц.).

** На пансионе (франц.).

и мы со временем наняли целый домик для нас одних в Calle de la gavetta.

Вскоре по приезду нашли старые знакомые Don Pedro, и мы по рекомендательному письму и по случаю приобрели несколько новых приятных знакомств. Сейчас доставили нам случай видеть пляску, исполненную лучшими танцовщицами³⁵⁵. Между ними Анита была необыкновенно хороша и увлекательна, в особенности в цыганских танцах, равно как и в Оле. Мы приятно провели зиму с 1846 на 1847 год; посещали танцевальные вечера у Феликса и Мигеля, где во время танцев лучшие тамошние национальные певцы заливались в восточном роде, между тем танцовщицы ловко выплясывали, и казалось, что слышишь 3 разных ритма: пение шло само по себе; гитара отдельно, а танцовщица ударяла в ладоши и пристукивала ногой, казалось, совсем отдельно от музыки.

Знаменитый, хотя устаревший, национальный певец Planeta был и пел у нас; его же племянник Lazaго был у нас часто. Почти каждый вечер собирались у нас знакомые и барышни. Одна мне приглянулась, и я попробовал было с нею то, что называют в Севилье pelar la pava (беседовать по ночам чрез решетку окна), но без успеха; я вознаграждал неудачи с неутешной вдовой из Кордовы.

Весною я завел птиц, их было до 14, они летали в нарочно отведенной им комнате.

Вдоль Гвадальквивира от дворца Sant-Elmo тянутся сады апельсиновые; в феврале, когда плоды созреют, вид превосходный, — впрочем, эти тонкокожие апельсины и чрезвычайно вкусны.

Весною приехал в Севилью известный скрипач Оле Буль; он действительно играл сильно и чрезвычайно отчетливо; но, как большая часть виртуозов, не слишком был силен в музыке. Он пробыл в Севилье около шести недель, я с ним сблизился до некоторой степени, и он часто бывал у меня³⁵⁶.

Весною же Don Pedro и еще другой приятель Pere Alebes (labrador*) устроили вечер с цыганками, которые хотя были безобразны, но плясали отлично.

В начале мая мы выехали из Севильи с сожалением³⁵⁷. Приятели очень были огорчены нашим отъездом. Кухарка наша, старушка 55 лет, добрая Mariquita, рассталась с нами со слезами.

Время было жаркое, первые перегоны часто по бокам дороги мелькали ряды agaves; многие из них должны были цвести в течение лета, и уже видны были зеленые штамбы в сажень и более.

В Мадриде мы поселились в Parador de las diligencias. Пробыв недели три в Мадриде, отправились мы в обратный путь³⁵⁸.

Между знакомыми в Мадриде упомяну об фортепианисте Марии-Кристины Don Juan Guelbenzu, его приятеле Zababuru

---

* Земледелец (исп.).

и его ученице Sofia Vela, она владела отличным контральто и была весьма хорошая музыкантша³⁵⁹.

Мы пробыли несколько дней в Z a g o z a, оттуда чрез T u d e l a в Памплону. Переехав чрез Пиренеи на лошадях верхом, мы на П'о и Тулузу отправились в Париж³⁶⁰, где пробыли около 3 недель. За несколько дней до нашего отъезда пришел ко мне путей сообщения полковник Комаров с поклоном от Петра Степанова, который был тогда в Киссингене и желал видеться со мною. Мы решили ехать вместе и отправились втроем в Кельн, оттуда по Рейну до Бибериха, потом во Франкфурт, а из Франкфурта в Киссинген³⁶¹. Степанов мне был очень рад и сообщил мне, что бывшая жена моя* по смерти В[асильчикова] получила богатое наследство, это известие меня порадовало. Хотя я не любил Марью Петровну, но, признаюсь, мне бы больно было видеть ее в нищете.

В бытность мою в Киссингене в июле 1847 года я имел счастье представляться государю-цесаревичу, ныне благополучно царствующему государю-императору Александру Николаевичу, который обошелся со мной очень ласково и представил меня супруге своей.

Из Киссингена отправился я с Don Pedro в Регенсбург, а оттуда по Дунаю в Вену, где советник нашего посольства Фонтон и секретарь Убри нас угощали радушно. По совету Фонтона мы отправились в Варшаву, где мы нашли старую карету для путешествия по распоряжению Фонтона же.

В Варшаве мы пробыли дней 6, которые я провел очень весело благодаря обязательному расположению Н. А. Новосельского. Пред отъездом я представлялся князю Варшавскому и у него обедал.

Я с Don Pedro приехал в Новоспасское в конце июля.

Период 13

Пребывание в деревне, Смоленске, Варшаве и Петербурге

Младшая моя сестра Ольга Ивановна была помолвлена за молодого лейб-гвардии Уланского полка [ротмистра]** Измайлова. Матушка была здорова, но видела очень плохо; несмотря на то, жилось сначала весело. Собрались ближайшие родственницы и родственники, мы ездили верхом и в экипажах, гуляли и забавлялись.

Я прибыл в Новоспасское в добром здоровье, но скоро начал чувствовать, что аппетит и сон начали исчезать. Желая поддержать себя, я для гимнастики начал маленьким топором рубить лишние липы, коих было множество, чтобы дать простор дубам, вязам и другим деревьям. Нет сомнения, что я надсадил себя; я начал чувствовать

---

* О расторжении моего брака с Марьей Петровной уведомили меня в Севилье.—
Примеч. Глинки.

** После слова *полка* оставлено пустое место; в копии Глинкой вставлено *ротмистра*.

болезненные ощущения в брюхе. 1 сентября у меня сделалось сильное нервное раздражение. Несмотря на это, в начале сентября я навесил ближайших родственников. На обратном пути это нервное раздражение жестоко усилилось, невыносимо мучительное замирание в брюхе с страхом смерти терзало меня, как в Венеции в 1833 году. Я решился, не дожидаясь свадьбы сестры Ольги, отправиться в Петербург и вверить себя доктору Гейденрейху.

Когда из Смоленска я уезжал, снова раздражились нервы, и так сильно, что я принужден был возвратиться и потом остаться в Смоленске³⁶². Я не мог быть на свадьбе сестры. В октябре матушка и новобрачные переехали на время в Смоленск. С самого того времени, как я решился остаться в Смоленске, тамошний жандармский полковник Романус дал мне на время свой рояль. Я в знак признательности посвятил ему две фортепианные, в то время написанные пьесы: «Souvenir d'une mazurka» и «La Barcarolle», изданные впоследствии под названием «П р и в е т о т ч и з н е»³⁶³. Тогда же, в отсутствие Pedro, оставшись один в сумерки, я почувствовал такую глубокую тоску, что, рыдая, молился умственно и выимпровизировал «Молитву» без слов для фортепиано, которую посвятил Дон Педро. К этой молитве подошли слова Лермонтова «В м и н у т у ж и з н и т р у д н у ю»³⁶⁴.

Мы жили в доме родственника Ушакова, и для дочери его я написал вариации на шотландскую тему³⁶⁵.

Для сестры Людмилы — романс «М и л о ч к а»³⁶⁶, которого мелодия взята мною из х о т ы, которую я часто слышал в Вальядолиде.

В ноябре матушка отправилась в Петербург; сестра Людмила по искренней своей дружбе ко мне решилась провести со мною в Смоленске часть зимы. В ноябре она, я и Дон Педро переехали в дом Соколова, у Никольских ворот. Мы жили с сестрой душа в душу, и, несмотря на мои страдания, нам было хорошо вместе.

Я сидел безвыходно дома, утром сочинял; кроме означенных уже пьес написал романс «Т ы с к о р о м е н я п о з а б у д е ш ь»³⁶⁷. Педро играл и твердил «G r a d u s a d P a r n a s s u m» Clementi под моим руководством. Сестра читала мне по-русски и по-французски, а Педро по-испански. По вечерам приходило несколько знакомых и составлялся кружок милых и искренно любивших нас приятелей. Упомяну о докторе Строганове, лечившем меня, об старом приятеле аптекаре Мего. Они часто играли с сестрою в преферанс, который забавлял меня нередко. Сестра играла скоро, Строганов ловко, а Мего с неподражаемым флегматическим тоном весьма часто долго, долго соображал, прикупать ли ему или нет, и по большей [части] после долгого размышления оканчивал словами «пас».

Кроме этих постоянных посетителей бывали и другие посетители: назову здесь родственников мужа сестры Людмилы — Шестаковых, с коими мы видались нередко. Молодая, миловидная и веселенькая барынька, дальняя нам родственница Е. П. Забела, охотно навещала меня.

Наша тихая и домоседная жизнь продолжалась до 23 января

1848 года. Дядя зятя моего Измайлова захотел непременно дать мне обед, без всякого сомнения для того, чтобы поважничать и выставить себя моим покровителем. Несмотря на мое сопротивление, обед состоялся. Распорядителями были комендант Липарский и Гольцев, дядя Измайлова. Меня встретили в зале смоленского дворянского собрания смоленские сановники, предводитель и главные старшие чиновники под звуки оркестра, игравшего польский из «Жизни за царя». За обедом посадили меня на главное место между губернатором и губ. предводителем. Обед был действительно великолепный. Он подробно описан полковником Романусом в «Северной пчеле» того года³⁶⁸.

Чтобы отблагодарить за честь вследствие этого обеда, я был вынужден отказаться от тихой домоседной жизни. Всякий день я был на балах и вечерах и неоднократно должен был потешать публику пением и игрою на фортепиано. Эта суматошная жизнь еще более раздражила мои нервы; я впал в дикое отчаяние и упросил сестру выпроводить меня в Варшаву. Сестра уведомила матушку о моем намерении; когда же матушка возвратилась, несмотря на февральские события в Париже³⁶⁹, я хотел ехать за границу и подал прошение о пашпорте. В начале марта я отправился в Варшаву с Don Pedro и зятем моим Василием Илларионовичем Шестаковым, который по дружбе своей взялся мне сопутствовать. Мы приехали в Варшаву благополучно. Братец Василий Илларионович уехал; мне в пашпорте отказали. Однажды, ища квартиры, я и Pedro повстречали князя Паскевича, который ехал верхом в сопровождении казаков. Увидя его, я снял шапку, Pedro же, не знавший князя, смотрел на него и остался в фуражке, что заметя, светлейший наскочил на нас с бешенством и едва не сшиб меня с ног. Это меня взбесило, и я, помнится, хотел уехать из Варшавы, но как-то дело обошлось. Притом же я занемог. Бывший в то время добрый мой знакомый Кастриото-Скандербек*, хороший музыкант, познакомил меня с доктором Морицом Вольфом, с которым я очень сблизился впоследствии и который постоянно был моим доктором в Варшаве.

Кастриото был женат на дочери банкира Коньяр. Он познакомил меня с семейством жены своей. Девушка Екатерина М. Коньяр пела с большим увлечением³⁷⁰, и я нередко в начале весны проводил у них приятные вечера.

Мы наняли квартиру на Рымарской улице; половину лишней комнаты отделили перегородкой с сеткой, где завели птиц. Были соловьи, варакушка, горихвостка и другие, до 16**.

Хотя весна была ранняя, но недуг взял свое, и я оправился, и то не совершенно, в исходе мая.

Между тем еще весною князь Паскевич, узнав, что он наскочил на меня, желая загладить это, нередко приглашал меня к себе на

* В рукописи *Скандерберг*.

** В копии рукой Глинки приписано: «Юлка, также по-французски *alouette* [жаворонок] *L u l i*, милая птичка».

обед и принимал меня необыкновенно ласково, сажал за столом подле себя и сам угощал меня винами, особенно кахетинским, которое я очень люблю.

По просьбе князя я иногда занимался его оркестром; он был не совсем хорош, но для меня это было все-таки полезно. Я дал капельмейстеру Поленсу «Jaleo (Халео) de Xerès»*, музыка эта очень понравилась светлейшему, и он приказывал часто играть ее в присутствии гостей, и потом, по приказанию князя, танец Jaleo под эту музыку поставили на варшавском театре. Для этого же оркестра Поленс сократил «Хоту», наинструментовал по моему указанию «Молитву» с тромбоном *obligato*, и она была небезэффектна. Тогда же я написал из 4-х испанских мелодий Potpourri на оркестр, названный мною тогда «Recuerdos de Castilla»³⁷¹. Оркестр князя исполнял недурно эту пьесу. Неоднократные мои покушения сделать что-нибудь из андалузских мелодий остались без всякого успеха: большая часть из них основана на восточной гамме, вовсе не похожей на нашу. Разучили польский из «Жизни за царя» с хором, а также знаменитый хор из «Ифигении в Тавриде» Глюка** «Les fureurs d'Oreste»***. Таким образом, музыку Глюка в исполнении я услышал первый раз в Варшаве и [с] тех пор начал изучать его музыку.

Н. А. Новосельский, постоянно окружавший меня вниманием, старался по возможности сделать приятным для меня пребывание в Варшаве. По его просьбе я начал учить пению П. Конарскую. Она приходила ко мне три раза в неделю и начала петь недурно; ее голос (*soprano*) был приятен, но несколько утомлен и иногда срывался.

Когда я уже несколько оправился, в июне 1848 года мне приглянулась в одной *kawiarnia* (*café*) статная и довольно милостивая девушка по имени А н ь е л ь (*Angélique*). Я сманил ее к себе, и она жила у меня в качестве хозяйки. Так [как]**** она была ловка, весела и расторопна, то жилось очень хорошо.

Осенью в сентябре появилась холера в Варшаве, из предосторожности я не выходил из комнат, тем более что мимо нашего дома на Рымарской улице ежедневно провожали много похорон. Сидя дома, я принялся за дело, написал романсы: «Слышу ли голос твой», слова Лермонтова³⁷², «Заздравный кубок» Пушкина³⁷³, который посвятил вдове Кликко, и М а р г е р и т у из «Фауста» Гёте, переведенный Губером³⁷⁴.

Стихи для этих романсов указал мне бывший тогда цензором в Варшаве П. П. Дубровский. Я познакомился с ним еще в 1847 году, в проезд мой чрез Варшаву. В 1848 году он постоянно навещал меня и с свойственной ему услужливостью сопутствовал мне часто в про-

* В копии, где в тексте дано неправильное наименование *de Xerès Jaleo* (Халео), на полях приписано: «Jaleo de Xerès, по-русски Халео де Х е р е с».

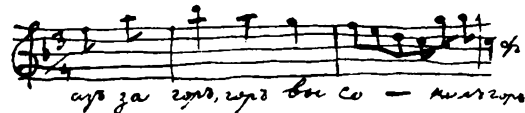
** В копии рукой Глинки приписано: «Вот образцовое произведение».

*** «Гнев Ореста» (*франц.*).

**** Слово *как* вписано карандашом рукой В. В. Стасова; в копии оно вставлено Глинкой.

гулках, очень часто он читал мне, и мы прочли с ним большую часть русских писателей и других авторов, в особенности Шекспира.

В то время случайно я нашел сближение между свадебною песнею «И з - за гор, гор вы со ки х, гор»:

которую я слышал в деревне, и плясовую «Камаринскую», всем известную. И вдруг фантазия моя разыгралась, и я вместо фортепиано написал пьесу на оркестр под именем «Свадебная и плясовая»³⁷⁵. Могу уверить, что я руководствовался при сочинении этой пьесы единственно внутренним музыкальным чувством, не думая ни о том, что происходит на свадьбах, как гуляет наш православный народ и как может запоздалый пьяный стучать в дверь, чтобы ее ему отворили. Несмотря на это, Ф. М. Толстой (Ростислав) на репетиции «Камаринской» (как я впоследствии по совету князя Одоевского назвал эту пьесу) сам говорил мне, что он, объясняя государыне-императрице (ныне вдовствующей) Александре Федоровне мою «Камаринскую», в последней части этой пьесы, а именно, где сперва валторны держат педаль на F_{is} и потом трубы на C, сказал ее величеству, что это место изображает, как пьяный стучится в двери избы*. Это соображение мне кажется приятельским угощением, которым не раз потчуют в жизни³⁷⁶.

По вечерам приходили знакомые, — с чаем гостям подавали пунш, чтобы согреть желудок (я ограничивался теплым красным вином с лимонной коркой и сахаром), для той [же] цели (т. е. чтобы согреть желудок) затевались танцы. Аньеля танцевала превосходно, а если нужны были другие пары, то две довольно молодые польки, кухарка и горничная (mlodza), плясали также. Кроме птиц, летавших в ближней комнате за сеткой, в зале бегали два ручных зайца и барабанили иногда по ногам гостей.

Это приятное житье продолжалось до конца октября: Аньеля начала важничать, и мы потом поссорились. Тогда, чтобы не скучать дома, Новосельский доставил мне несколько приятных знакомств. Назову семейство доктора Грюнберг, его дочери были очень любезны и талантливы; старшая, по имени Юлия, играла весьма хорошо на фортепиано, она училась у Гензельта на иждивении государыни княгини Елены Павловны. Младшая, Изабелла, пела с увлечением и смыслом (intelligence). У них я проводил приятные вечера, равно как у знакомых их — Александровичей.

В ноябре погода стояла еще приятная, и узнав, что матушка была в Петербурге, я решился туда ехать для свидания с нею³⁷⁷. Новосельский с свойственною ему услужливостию достал мне карету. Несмотря на то, что Двина была уже покрыта шедшим льдом, ни на

* В копии на полях против конца этой фразы нарисован кот.

снег, выпавший на расстоянии 300 верст от Петербурга, мы с Don Pedro доехали благополучно в половине ноября по нашему штилю.

Отдохнув несколько дней, я навестил моих знакомых и был на именинах Екатерины М. Коньяр, семейство коих и Кастриото были тогда в Петербурге. В конце ноября я захворал и поселился на время болезни, чтобы не разлучаться с матушкой, у зятя моего В. И. Флери, что у Красного моста, в Училище глухонемых. Там была сестра Ольга с мужем и Мария с детьми. Жили в тесноте, но мне было приятно, несмотря на недуг.

Зимой с 1848 на 1849 год Фрецолини желала взять мою оперу «Жизнь за царя» в свой бенефис. Она сама сделала мне первый визит и привезла билет на свой бенефис. Опера моя не была дана итальянцами, потому что публика была недовольна от неудачных попыток русских композиторов и жестоко раздражена после великолепной неудачи (fiasco) оперы «Il Virichino di Parigi» Ф. М. Толстого*. Вышло высочайшее повеление не принимать на итальянский театр произведений русских композиторов³⁷⁸. Gloire à m-r Tolstoy!**

Во время выздоровления, в начале 1849 года, я был на вечере, устроенном князем П. А. Вяземским по случаю 50-летней деятельности В. А. Жуковского на его литературном поприще³⁷⁹. Блюдов читал стихи князя Вяземского по этому случаю, мы пели также хор в честь Жуковского, сочиненный графом Михаилом Юрьевичем Вельгорским. На этом вечере присутствовал также государь император Александр Николаевич (бывший тогда цесаревичем), и я имел счастье быть им замеченным и почтенным ласковыми расспросами обо мне.

Князь Одоевский пригласил меня к себе на вечер, меня и многих общих знакомых. На этом вечере, по совету князя, я назвал хоту «Испанской увертюрой», а сваденую и плясовую — «Камаринской»³⁸⁰.

Весною я познакомился с Владимиром В. Стасовым, весьма основательным музыкантом, любителем изящных искусств и весьма образованным человеком. При нем я пробовал сделать музыку на слова Ободовского «Палермо» (написанные в воспоминание пребывания императрицы Александры Федоровны в Палермо), но не успел и взял слова с собою в Варшаву³⁸¹.

Гейденрейх отлично меня поставил на ноги, и очень ранней весной я начал выезжать, и большею частью с Новосельским, возвратившимся из Варшавы зимою. Он познакомил меня с молодыми людьми и литераторами иного*** поколения — к сожалению, некоторые из них довели себя до беды в течение того же 1849³⁸².

Весною я решил отправиться снова в Варшаву, тем более что

---

* Весь абзац, начиная от слов *Зимой с 1848* и кончая словами *à m-r Tolstoy!*, записан на полях поверх карандашной надписи: «Фрецолини, *Жизнь за царя* и Ф. Толстой».

** Слава г-ну Толстому! (*франц.*).

*** В копии вместо *иного* рукой Глинки исправлено *нового*.

получил письма, на основании которых мог ожидать много приятного. Выехав из Петербурга 9 мая по нашему штилю, мы путешествовали на почтовых в карете самым приятным [образом]*, погода была превосходная, нежная весенняя зелень, пение птиц, все располагало душу к радости; переехав же Н е м а н в Ковно, вид природы сделался совершенно праздничным.

Период 14

Вторичное пребывание в Варшаве и в Петербурге

По приезде в Варшаву вскоре увидел, что ошибся в расчете. Заняв квартиру в Н е ц а л о й у л и ц е одного отсутствовавшего полковника, я мало-помалу начал чувствовать нападение х а н д р ы. Одной стороною в квартире нашей окошки выходили на Саксонский сад. Густые тополи (не пирамидальные) в дурную погоду заслоняли свет и шумом ветвей и листьев во время ветра наводили уныние на душу. В свите е. и. в., находившейся в то время в Варшаве, было несколько коротких моих знакомых и однокашников; иногда я кутил с ними и другими знакомыми**. Главные сборища были у меня и у пансионского моего товарища генерала А. Н. Астафьева. Видался я также иногда и с князем Михаилом Д. Волконским.

Несмотря на то, что иногда удавалось мне проводить время приятно, эта рассеянная жизнь меня искренно не радовала и не наводила меня на музыкальные вдохновения. Музыкальные глубокие наслаждения в течение лета 1849 года ощущал от игры на органе в Евангелической церкви органиста Ф р е й е р а. Он превосходно исполнял пьесы Баха, отчетливо действовал ногами, и орган его так был хорошо настроен, что в некоторых пьесах, а именно в фуге «BACH» и токкате F-dur:

он доводил меня до слез.

Наконец хандра в конце лета довела меня до жесточайшей апатии, и большую часть дня я проводил дома, лежа на диване. В то время возле самой Варшавы стоял гусарский полк его и. высочества в. к. Михаила Павловича. Один из полковников этого полка, земляк мой и тезка М и х а и л И в а н о в и ч К у б а р о в с к и й, с которым я иногда встречался в обществе, захав ко мне, уговорил меня навестить его. Не знаю, как, вопреки апатии, он увез меня; сперва посетили мы несколько наших общих знакомых, а потом в 4-м часу ночи постучали в заведение О м а (оно всем бывшим в Варшаве

* Слово *образом* вписано рукой В. В. Стасова.

** В копии на полях рукой Глинки приписано: «Что весьма неумно».

очень известно), и так как нам не отпирали, то мы перелезли чрез забор и, выпив там шампанского, отправились на квартиру К у б а р о в с к о г о. Он квартировал вместе с полком и товарищами в домиках с садиками, отстоявших в полуверсте от заведений Ома (Ohm).

Кубаровский отвел мне на своей квартире комнатку, и на другой день, напившись чаю и одевшись, мы пешком с несколькими товарищами Кубаровского отправились к О м у. Погода была превосходная (август и сентябрь в Варшаве и Париже — бесспорно лучшее время года); заведение Ома с его довольно большим и довольно хорошим садом, прекрасной залой, где стоял не совсем дурной рояль и резонанс был превосходный, опрятная кухня и хороший погреб доставляли желающим все способы для приятного препровождения времени. Сверх того, в заведении были две дочки хозяина: старшая Р о з а м у н д а, сокращенно Р у з я, нравилась всем красивым личиком, а иным — дородством; за ней ухаживала большая часть посетителей. В т о р а я дочка (меньшая была в пансионе), по имени Э м и л и я, сокращенно М и ц я, была маленькая, стройненькая, живая и вострая (воструха) девочка. Мое пение произвело фурор как на гусаров, так и на семейство хозяина заведения. Большую часть всего времени, которое я пробыл у Кубаровского, я часто бывал и иногда обедал у Ома. Вглядываясь в живую, миловидную Эмилию, невольно сблиз[ался] с нею. В это же пребывание у Кубаровского он предложил мне романс Мицкевича «R o z t o w a»; Миця предельно учила меня читать и произносить его, а я учил ее несколько на фортепиано и пению. Возвратясь в Варшаву, я недолго там оставался и снова приехал к Кубаровскому. Мало-помалу мы с М и ц е й подружились, и когда полк гусарский, в котором служил Кубаровский, вышел из Варшавы, я почти ежедневно посещал Ома; в моих похождениях сопутствовал мне в качестве адъютанта Р о з е н б е р г, брат г-жи Грюнберг, которого мы просто называли Д а н и е л ь. Кроме дружеских бесед и музыки, я участвовал с Мицей при собирании яблок, груш и других плодов.

В октябре мы переехали на Д л у г у (Длинную) улицу против арсенала. Я с Даниелем продолжал [посещать]* ежедневно Ома. Когда плоды были собраны, дошло дело до овощей, а в конце осени и в начале зимы мы чистили маис, горох, мак и проч. Эта эклога продолжалась до настоящей зимы — и поэтическое чувство к милой М и ц и возбудило во мне музыкальную деятельность: я написал в течение осени романс «R o z t o w a» Мицкевича по-польски и посвятил его Эмилии Ом³⁸³. Написал также «А д е л ь»³⁸⁴ и «М е р и»³⁸⁵ Пушкина, первую из них посвятил сестре Ольге Измайловой, а вторую — Марье Степановне**. В течение этой осени я часто встречался у Ома с стариком К у р п и н с к и м, известным в свое время польским композитором. Он был человек сведущий, и я с удовольствием беседовал с ним об искусстве.

* Слово *посещать* вставлено рукой Н. В. Кукольника в копии.

** На полях рукой Глянки приписано карандашом: «Хор для С. Монастыря».

Зима с 1849 на 1850 год была чрезвычайно сурова, я захворал и должен был прекратить мои посещения Ома. Весной я взял себе в няни Те к л у, еще молодую и довольно приятной наружности девушку. Она была добра и услужлива, но эти качества помрачал один важный, к сожалению, очень обыкновенный в Варшаве порок: она периодически придерживалась в о д к и, и в конце лета я вынужден был расстаться с нею.

В течение лета я часто видался с Дубровским, Корсаком, Даниелем, Соболевским (бывшим в то время проездом в Варшаве) и комиссариат[ским] чиновником А. П. Григоровским. В начале осени государыня императрица (ныне вдовствующая) приехала в Варшаву; на другой день приезда ее величества я сочинил романс Ободовского «П а л е р м о», который посвятил государыне и который издан под именем «Ф и н с к и й з а л и в»³⁸⁶.

В октябре того же 1850 года я был приглашен к государыне императрице на вечер. Это случилось по следующему поводу: Ольга Николаевна, приехавшая также в Варшаву, объявила князю Паскевичу, что она не уедет из Варшавы, не услыша и не увидя Глинки.

Со мною приглашены были и Грюнберги: мать с двумя дочерьми. Государыня самым ласковым образом приветствовала меня почти в следующих словах по-русски: «Здравствуй, Глинка! Что ты тут делаешь?» На мой ответ, что нахожусь в Варшаве по причине климата менее сурового, нежели в Петербурге, ее величество изволила сказать: «Разница небольшая, но я рада, очень рада тебя видеть».

Я принужден был сбрить усы и бороду, так что когда я взшел в залу, где находились гости, приглашенные на вечер, князь Паскевич, видевший меня в усах и бороде прежде того, поклонился мне насмешливо, я ему отдал поклон важный, но также насмешливый в противоположном роде, после чего князь поклонился мне естественно, и я ему также. После этого мы с князем более не встречались.

Вскоре меня посадили за рояль, а около меня стали девицы Грюнберг, Ольга Николаевна и Бартенева сели у самого ф[орте]п[иано]*.

Здесь нарушен мною хронологический порядок. Еще весной 1849 года, в бытность мою в Петербурге, И. К. Кавос просил меня написать выпускной хор для девиц Смольного монастыря. Я с трудом согласился на его просьбу, потому что не хотел вступать в соперничество с герцогом Петром Ольденбургским, с Львовым и графом М. Ю. Вельегорским, которые писали, и неудачно, для девиц Смольного монастыря выпускные хоры.

В 1850 году, в конце лета, Кавос прислал мне стихи инспектора Смольного монастыря Тимаева; содержание их было хорошо, но они были слишком длинны. По расчету времени некогда было отослать их в Питер обратно для переделки, и я по возможности мог только сократить их. Сверх того, Кавос просил написать оркестр как можно слабее и предлагал мне употребить фортепиан, арфу и несколько духовых инструментов.

* Слово *ф-п.* приписано рукой В. В. Стасова.

Зная по опыту, что от дурак (дураков, как их дельно называет Кукольник) опрятного исполнения ожидать нельзя, с фортепиано и арфой я употребил весь оркестр, наинструментовав пьесу так прозрачно и мягко, как только можно с тем, чтобы выказать голоса девиц как можно более³⁸⁷. Окончив труд, я отослал его Кавосу с подробным наставлением, как разместить оркестр и девиц. Нет сомнения, что Кавос по свойственной ему рассеянности пренебрег моими замечаниями*. Хор не произвел надлежащего эффекта, и я вследствие того получил забавное письмо от Кавоса. В этом письме сказано между прочим: «Sa majesté l'empereur a trouvé que l'instrumentation du choeur est faible et moi, je partage parfaitement l'opinion de sa majesté». Cавос partage l'opinion des m.!!**

В начале октября 1850 года мы переехали в Налевки, в дом Нотансона. Квартира наша была очень опрятна и поместительна. Зал был довольно большой, и в течение зимы с 1850 на 1851 год часто приходили ко мне молодые гризетки, плясали у меня и очень веселились. В конце зимы мое здоровье начало очень расстраиваться, это происходило отчасти от курения папиросок (что и прежде того мне замечали некоторые знакомые барышни), отчасти от венгерского вина, которое сильно бьет на нервы. От того и другого я впоследствии отстал совершенно.

Весною также я все как-то недомогал. В июне 1851 года однажды после обеда играл на фортепиано, у меня сидел А. Л. Невахович (бывший в то время в Варшаве), он привел с собою католического ксендза и итальянского maestro Ricci³⁸⁸. Дон Педро прервал мою игру на фортепиано, принеся мне два письма из деревни; я попросил гостей, чтобы позволили мне прочесть их, прибавя, что разом 2 письма предвещают недоброе. Действительно, я получил известие о кончине моей матушки; она, как праведница, ушла от старости³⁸⁹.

Известие это поразило меня, но я не плакал. На другой день, после обеда, в большом и указательном пальцах правой руки, коими я взял роковые письма из рук Педро, в то самое [время], когда Педро принес мне их накануне, почувствовал я слабость, и как бы полза[ли на]*** них мурашки, и через несколько минут правая рука ослабела до того, что я не мог почти владеть ею. Доктор мой Мориц Вольф уверил меня, однако же, что это было временное нервное раздражение, — слова его впоследствии оправдались.

Я первое время писать сам не мог и с величайшим затруднением подписывал свое имя. По моей просьбе Дон Педро уведомил

---

* В копии на полях рукой Глинки приписано: «NB Хор этот искажен от лености Кавоса, но у Д. В. Стасова желающие могут найти верный экземпляр». В автографе внизу листа изображена ослиная голова и рукой композитора приписано карандашом: «bravo, bravissimo».

** «Его величество государь-император нашел, что инструментовка хора слаба, и я вполне разделяю мнение его величества». Кавос разделяет мнение е. в.! (франц.).

*** Слово *время* и *на* вписаны рукой В. В. Стасова.

сестру Людмилу о бедствии, меня постигшем. Тогда же сестре Людмиле с ее мужем я дал полную доверенность на управление моих имений.

В июле сестра Людмила приехала ко мне в Варшаву, ее внимательная дружба несказанно утешила меня. Я несколько ожил духом; мы распорядились по делам нашим, сколько то было возможно. По отъезде сестры в августе я переделал Pot-pourri из испанских мелодий «Recuerdos de Castilla», развил пьесу и назвал ее «Испанской увертюрой» номер 2-й³⁹⁰. Писать ноты мне стоило менее труда, чем подписывать мое имя.

В то же время начал хлопотать о паспорте за границу и послал докторское свидетельство в С.-П[етер]бург с прошением.

Не получая разрешения о паспорте и видя из писем сестры Людмилы, что бумаги, сделанные вследствие обдуманых нами распоряжений, надобно было переделать, я решился сам ехать в Петербург. Наняв почтовую карету (2-местную), я, Дон Педро, Даниель и мой повар отправились из Варшавы в начале сентября³⁹¹; погода была превосходная, и мы доехали благополучно. Вскоре по приезде в Петербург погода начала портиться, а с нею и мое здоровье. Гейденрейх прислужился мне слабительным, от которого нервы мои разыгрались, а так как болезнь усиливалась, то я и решился прибегнуть к гомеопатическому доктору Ж а л ю (Jal)*. С самого начала лечения я почувствовал некоторое облегчение в руке.

Вскоре по приезде в Петербург я переехал в дом Мелихова. В. П. Энгельгардт часто навещал меня и познакомил меня с меньшим братом Вл. Стасова Дмитрием Васильевичем Стасовым, очень образованным молодым человеком и хорошим музыкантом. У меня на квартире был хороший фортепиано; Энгельгардт — прислужился нотами, и скоро мы завели там и г р а н и е в 4 р у к и³⁹². В октябре приехала в Петербург сестра Людмила³⁹³, после совещания с добрым нашим родственником А. В. Козодаевым сделанные в Варшаве бумаги оказались ненужными**³⁹⁴.

Сестра Людмила, приехав в П[етер]бург, поселилась у В. И. Флёрри. 17 ноября, в день рождения своего, она сделала у себя вечер; на нем объявила мне, что она остается всю зиму со мною и что уже квартира ею нанята для нас. Это дружеское участие сестры тронуло меня до глубины души.

1-го декабря мы с сестрой переехали в дом Жукова, на углу Невского проспекта и Владимирской улицы³⁹⁵. Квартира была довольно удобна, зал большой. Вскоре мы наняли два рояля у Мельцеля, впоследствии Энгельгардт велел перенести к нам свой фортепиан. Начали играть сперва в 8, а потом и в 12 рук. Сколько помнится, в п я т и ц у в е ч е р о м собирались участвующие в этом деле, а именно:

* В копии рукой Глинки приписано: «Жаль, что Жаля».

** Зачеркнуто *Пришлось мне с несказанным трудом (в начале ноября) подписывать другие документы*. В копии эта фраза вписана в текст.

Дмитрий С т а с о в	fortepiano
А. Н. С е р о в	1
В. П. Э н г е л ь г а р д т	forte[piano]
К. П. В и л ь б у а	2

Сверх того, Дубровский, переведенный еще до моего приезда в П[етер]бург в качестве профессора польского языка в Педагогическом институте, познакомил нас с прекрасным пианистом и очень милым человеком по имени De Santis.

Для игры в 12 рук Энгельгардт доставлял потребных на то музыкантов и сам прилежно перекладывал на 12 рук преимущественно из моих опер.

Вообще жилось довольно мило и приятно; но здоровье шло хуже и хуже. Я совершенно лишился аппетита и почти в течение декабря ничего не ел. Причиной этого жестокого расстройства желудка полагаю, что, начав лечиться гомеопатически, мне вздумалось (не знаю, почему) пить воду, есть холодные кушанья и проч. Это болезненное состояние продолжалось до 21 января 1852 и ночью разразилось жесточайшим и мучительным расстройством желудка (colique): рвота и жестокий (почти кровавый) понос терзали меня день и две ночи. Гейденрейх, призванный на помощь Жалю (которого я оставил)*, в неделю меня спас от опасности, которая мне угрожала.

Когда я несколько поправился, по просьбе Львова я занялся приуготовлением певчих (больших), которые должны были участвовать в исполнении его «М о л и т в ы у к р е с т а» (Stabat mater). В тот год (1852) был 50-летний юбилей Филармоническому обществу³⁹⁶; немцы хотели дать пьесу и моего сочинения. Гр[аф] Мих[аил] Ю[рьевич] Вельегорский и Львов вытеснили меня, — негодования с моей стороны не было — и, как сказано выше, я учил и кормил певчих.

28 февраля был у нас большой музыкальный вечер³⁹⁷, — производили в особенности арии Глюка с гобоями и фаготом, оркестр заменял фортепиано. Глюк тогда еще большее произвел на меня впечатление — из его музыки слышанное мною в Варшаве не могло еще мне дать о нем столь ясное понятие.

В марте, когда я начал оправляться еще более, посетил я в обществе Энгельгардта и Гейденрейха оранжереи императорские на Аптекарском острове. Мое мнение, что они лучше устроены и богаче большими пальмами и другими тропическими растениями, нежели парижские оранжереи (serres) в Jardin des plantes** в Париже.

В апреле сестра устроила (именно сестра, а не я) 2-й концерт для Филармонического общества³⁹⁸. Участвовала Шиловская и пела несколько моих пьес. Оркестр исполнил «Испанскую увертюру»

* С тех пор французским докторам решительно не доверяю. — *Примеч. Глинки.*

** Ботаническом саду (*франц.*).

номер 2 (A-dur) и «К а м а р и н с к у ю», которую я тогда слышал в первый раз. Ф. М. Толстой (Ростислав) был на репетиции, и именно на этой-то репетиции была речь о том, как он объяснял е. и. в. государыне императрице (ныне вдовствующей) значение педалей на F^{is} и на D^o в заключении (pédoraison). Знаменитый (!)* наш критик по глубокому (!) пластическому воззрению не нашел ничего лучше и умнее, как только то, что пьяный - де толчется в дверь**.

К пасхе, по желанию сестры, я написал «Первоначальную польку»³⁹⁹ (так она названа в печати)***. Эту польку я играл в 4 руки с 40 года, написал же ее в апреле 1852.

На вечере, который устроил для меня кн. Одоевский в том же апреле месяце и где находились многие из моих знакомых, в присутствии их гр. М. Ю. Вельегорский начал трунить надо мною, но я от него преловко отделался.

В конце апреля был также (à mon intention****) вечер у Новосельского (он был уже женат). На нем повторили с фаготом и гобоем часть пьес, исполненных на нашем вечере 28 февраля.

В мае был (à mon intention) вечер у кн. Мих. Волконского. Играли квартеты; были на вечере Шуберт, Шеринг и Белинг.

У нас два раза весною был Шуберт и играли квартеты.

Около половины мая (20 мая) сестра поехала со мною, Д. А. Шестаковым и А. Н. Серовым на биржу. Эль (которым по нашему желанию сестра угощала нас) произвел совершенно различное действие: я (противу обыкновения) сохранил э к и л и б р (равновесие), Д. А. Шестаков сделался чрезвычайно весел и разговорчив, у словоохотливого же А. Н. Серова язык прилип к гортани.

21 мая (день моего ангела) я выпустил в летний сад 2 пеночки и юлку, которые потешали меня весною. Позавтракав у D o n o n, мы с сестрою провели день в Царском Селе, к ужину вечером собрались приятели, т. е. наша компания.

Период 15

3-е путешествие за границу и возвращение в Россию

23 мая сестра и приятели проводили меня с D o n P e d r o за границу⁴⁰⁰. Мы отправились в почтовой карете до Варшавы. На другой день путешествия мы взяли в свою карету довольно красивую барыню. Ее общество доставило мне несколько развлечения

---

* Перед этим и следующим восклицательными знаками в скобках нарисованы в профиль контуры лица с длинным носом и с усами.

** В скобках нарисован кот с длинными ушами и хвостом. В копии в скобках нарисован сидящий кот.

*** Издание прескверное и неверное! — Примеч. Глинки.

**** По моей инициативе (франц.).

во время путешествия, и я сочинил ей маленькую мазурку⁴⁰¹ в роде Chopin, — эта мазурка понравилась в Варшаве и в Париже.

Из Варшавы, где мы недолго оставались, мы отправились на Ченстохов и Бреславль в Берлин. В день приезда в R ö m i s c h e n H o t e l утром был у меня Мейербер, — между прочим он сказал мне: «Comment se fait-il, m-r Glinka, que nous vous connaissons tout de réputation, mais nous ne connaissons pas vos oeuvres?» — «Cela est très naturel, — lui ai-je répondu, — je n'ai pas l'habitude de colporter mes productions»*. Впрочем, Мейербер чрезвычайно обходителен и любезен. З. Ден показывал мне все примечательное. Я хорошо осмотрел музей и зверинец. Ден угощал меня также квартетами и мозельвейном.

Из Берлина, переночевав в Ганновере, на другой день приехали мы в Кёльн. Провели там сутки и видели катедраль**; — жаль, что его возобновляют и достраивают — то же, да не то же. Из Кёльна ехали мы вверх по Рейну до Страсбурга. Милое путешествие.

Оставшись несколько дней в Страсбурге, мы осмотрели катедраль и видели знаменитые часы. Железная дорога между Парижем и Страсбургом не была еще окончена, и мы часть пути мучились в дилижансе***, пробыв несколько часов в Напсу (весьма опрятном городе), по железной дороге на другой день рано прибыли в Париж⁴⁰².

Не без удовольствия въехал я в Париж, много, много прежнего, было отозвалось в душе моей. Я поселился в Hôtel de la marine, где останавливался прежде и где нашел знакомые лица⁴⁰³.

Вскоре отыскались знакомые: Henry Mérimée (которого статья о «Ж и з н и з а ц а р я» приведена мною в конце 3-й части этих Записок), с которым посредством Мельгунова по поводу этой статьи я познакомился еще в 1845 году, зимою. Я уже тогда с ним сблизился дружески, в 1852 году летом он был в Париже, и с ним осматривали Hôtel de Cluny, музей и также древние улицы Парижа.

Приехал на короткое время в Париж Д. А. Шестаков, и мы с ним в течение двух дней были неразлучны и с детским веселием беззаботно предавались разнообразным парижским удовольствиям.

Так как цель моей поездки была Андалузия, а именно Севилья⁴⁰⁴, то в июле мы отправились в Châlon sur Saône по железной дороге. Мы выехали вечером; ночью, во время переезда, несколько часов я мучился от нервного ощущения замирания с страхом, подобного тому, которое испытал в 1847 году в Новоспасском и Смоленске.

К утру страдания унялись, и мы по Соне (Saône) на пароходе отправились в Л и о н, где переночевали. Несмотря на живописное местоположение Лиона, после мучительных страданий прошедшей

---

* «Как это случилось, г-н Глинка, что, отлично зная вас по имени, мы не знакомы с вашими произведениями?» — «Это естественно, — ответил я ему, — я не имею привычки сам распространять свои сочинения» (франц.).

** Cathédrale — собор (франц.).

*** Дилижансы во Франции действительно мучительны, их грузят ужасно, а сидеть пассажирам тесно, притом же г[оспода] кондукторы большие невежи. — Примеч. Глинки.

почти я был в каком-то неприятном онемении. Из Лиона по Роне (Rhône) на пароходе же отправились в Avignon, куда прибыли часов в 5 пополудни. Берега Роны не столь живописны, как Рейна, — а все способы путешествия во Франции в то время были несравненно неудобнее, чем в Германии.

В А в и н ь о н е осмотрели мы бывший папский дворец, обращенный теперь в казармы. Подле дворца сделано между скал с большим вкусом гулянье; насажены между голых камней вечнозеленые деревья. Это гулянье ведет к террасе, с которой представляется превосходная панорама: под ногами (à vol d'oiseau*) — большая часть города. Р о н а, разделенная на несколько рукавов, вдали с одной стороны чуть виднелись Альпы, с другой — Пиренеи. Мы долго любовались этой панорамой. На другой день утром, в Авиньоне, где мы переночевали, возобновилось нервное раздражение с ужаснейшей силой. Я принял гомеопатическое I g n a t i a, и, успокоясь несколько, после завтрака отправились мы по железной дороге в В е а у с а и г е, где тогда была ярмарка; но мне тогда было не до ярмарки, не до Воклюза, я спешил в Монтпелье и Тулузу, чтобы скорей добраться до Испании. Судьба определила иначе.

Монтпелье, который очень хвалят, мне не понравился вовсе, равно как и гулянье, называемое Peugou. В дилижансе из Montpellier в 24 часа приехали мы в Тулузу, где остановились в известном уже нам H ô t e l C a s s e t, tenu par S c h a u b a r t**. Мы пробыли там около двух недель, в продолжение коих я страдал ежедневно. В Тулузе познакомились мы с Emile Delille, с которым часто видались в Париже. Он был образован, услужлив, но гасконец.

Беспрерывные страдания отвратили меня от намерения ехать в Испанию, и я решился возвратиться в Париж, а чтобы путешествовать покойнее, я приказал нанять крытую коляску, и мы на почтовых без малого в двое суток доехали до Poitiers, оттуда по железной дороге в Т о у г, на другой день в В l o i s, на третий в O r l é a n s, на четвертый в Париж⁴⁰⁵. По причине дурной погоды и скверного расположения духа я не видел замков С h a m b o r d и С h e n o n c e а у х, берега Л о а р ы показались мне менее живописными, нежели берега С е н ы; за верность этого мнения не отвечаю.

В Париж мы возвратились 15 августа, день св. Наполеона, — все h ô t e l s были полны; в H ô t e l d e l a m a r i n e, где мы остановились, не было комнаты, и мы переночевали в столовой, кто на диване, кто на столе. Мы вскоре нашли удобную квартиру в r u e R o s s i n i, подле Большой оперы (Académie de musique), — эта квартира была на солнце и, следственно, веселенькая. В том же доме мы отыскали молодую женщи[ну] m-me Jean, которая убирала наши комнаты и готовила нам кушанье. В том же доме жила старушка m-me Beaucé, она была чрезвычайно живого и веселого нрава, учила музыке, и весьма недурно. Дочь ее m-me U g a l d e была первой пе-

* С птичьего полета (франц.).

** В гостинице Кассе, которую содержит Шобар (франц.).

вицей в Opéra comique. Вскоре по переезде нашем в rue Rossini мы познакомились с m-me Beaucé, и она однажды вечером собрала у нас в зале некоторых из своих учениц, которые впоследствии, осенью и зимою, приходили постоянно заниматься со мною пением, итальянским в особенности.

Сентябрь был превосходный, и я поправился до такой степени, что принялся на работу. Заказал себе партитурной бумаги огромного размера и начал писать симфонию «У к р а и н с к у ю» («Тарас Бульба») на оркестр⁴⁰⁶. Написал первую часть первого allegro (с-moll) и начало второй части, но, не будучи в силах или расположении выбиться из немецкой колеи в развитии, бросил начатый труд, который впоследствии Don Pedro истребил*.

В конце октября погода стала портиться, и, чтобы избегнуть скуки, с содействием Don Pedro отыскалась молодая миловидная няня по имени Léonie, сокр. Ninie.

Ей было лет 19 от рода; родом была она из департамента Jura (что несколько часов от Женевы), была более похожа на швейцарку и отличалась особенною свежестию лица. Она была смирна, но плоховата. Впрочем, зиму с 1852 и 1853 я провел хорошо — домоседно, тихо и довольно приятно. По утрам топился камин в зале, и перед завтраком у нас было похоже на cabinet de lecture**, каждый сидел над своею книгою. После завтрака почти ежеднев[но] приходила одна из учениц m-me Beaucé. В 5-м часу мы обедали, иногда обедать приходили к нам приятели, а вечер также не оставались мы одни.

В эту зиму я прочел по указанию Henry Mérimée Илиаду и Одиссею Гомера (перевод прозою m-me Dacier)⁴⁰⁷; почти всего Овидия. Emile Delille (с которым мы познакомились в Тулузе) поселился в Париже и снабжал меня книгами из своей библиотеки. Он дал мне превосходное издание Овидия, с прекрасными гравюрами, и «Неистового Роланда» Ариосто, который мне очень понравился.

В музыкальном отношении было не много примечательного. Вскоре по прибытии нашем в Париж, Henry Mérimée познакомил нас в семействе m-r Duport, там собирались иногда по вечерам любители и любительницы музыки и пели очень ловко разные m o r-с e a u x d 'e n s e m b l e. Театр посещал я редко, по причине той, что парижане нещадно душатся и в театрах атмосфера невыносимая. Я слышал, однако же, два раза в Opéra comique «Иосифа» Мегюля⁴⁰⁸, очень хорошо исполненного, т. е. без всяких вычур, и так опрятно, что, несмотря на то, что Иосиф и Симеон были плоховаты, исполнение этой оперы тронуло меня до слез. В u s s i n e в роли Иакова был превосходен.

Волков прислужился Ninie и мне ложею в Opéra comique на первое представление оперы Обера «Marco Spada»⁴⁰⁹. Начало

* В копии рукой Глинки приписано: «Хорош был барин».

** Читальня (франц.).

увертюры чрезвычайно мило и обещало много хорошего, но *allegro* увертюры и музыка оперы оказались весьма неудовлетворительными.

Волков был абонирован на концерты в Парижском консерватории; ему было известно невыгодное мое мнение об вычурном способе исполнения в этих концертах, в особенности бетховенской музыки. Он пожертвовал мне одним концертом единственно для того, чтобы я поверил прежнее впечатление. Между прочим давали в тот концерт 5 симфонию Бетховена (*c-moll*) — исполнение нашел я совершенно таким же, как и прежде, т. е. очень вычурным, *pp* доходили до нелепой рубиниевской степени, а где мало-мальски надлежало выходить духовым, они жеманно рисовались; одним словом, симфонии Бетховена не было (*elle a été complètement escamotée**). Другие же пьесы, как хор дервишей из «Афин [ских] развалин» Бетховена и симфония Моцарта, исполнены были отчетливо и весьма удовлетворительно⁴¹⁰.

Зимой с 1852 на 1853 год часто посещал меня *Steiner*, женатый на старшей дочери *m-me Beaucé*, нередко бывал сын ее *Henry Beaucé*, весьма молодой мальчик, хороший музыкант; он недурно пел, хотя несколько в нос, высоким тенором. *Steiner* смешил нас различными фарсами.

В начале весны *Ninie* уехала к родным, я также собирался в обратный путь, мало-помалу здоровье мое снова начало портиться, и мне начало быть скучно в Париже. Возник Восточный вопрос⁴¹¹; это обстоятельство еще более увеличило желание возвратиться восвояси, и нет сомнения, что я бы уехал из Парижа, если бы нашел содействие в этом намерении со стороны моего товарища *Don Pedro*, который решительно пристрастился к Парижу и оказывал уже некоторое сопротивление. С другой стороны, меня пугала железная дорога, и я изыскивал другой способ путешествовать; поручил мужу нашей кухарки *m-me Jean*, опытному в кучерском деле человеку, разведать, нельзя ли дешево приобрести подержанную 2-х местную карету и будут ли еще почтовые лошади к услугам едущим в собственных экипажах. Приобретение кареты оказалось возможным, но почтовые лошади по всем направлениям железной дороги уже не существовали. Это меня ввергло в неприятное положение — с расстроенным желудком и раздраженными нервами я не знал, на что решиться. Между тем подвернулась мне бойкая и веселонравная, довольно миловидная, молоденькая гризетка из Бордо. Мы перешли из *rue Rossini* в конце апреля в *rue Richer*, № 43, в квартиру, чрезвычайно удобно расположенную и вновь очень опрятно меблированную. Нашлась подле нашей квартиры маленькая квартирка и для Амалии, так звали мою бордлезку.

По просьбе нашей *m-me Couré* (отдававшая нам в наем квартиру, жена *d'un tapisserieur***), женщина приятных свойств, отреко-

* Она была полностью украдена (*франц.*).

** Обойщика (*франц.*).

мендовала нам для услужения и как кухарку индейку* (*indienne*)⁴¹ Zoë из Pondichéry. Зое было под 40 лет, она была маленькая, очень смуглая, почти коричневого цвета женщина, голос ее был совершенно детский. Она была чрезвычайно чистоплотна, готовила кушать хорошо, а жарила на вертеле в совершенстве. Хотя Восточный вопрос разгорался все более и более и я тогда же предвидел, что он доведет до войны, несмотря также на то, что я часто страдал желудком и нервами**; невзирая, прибавлю, и на то, что эти страдания и печальные размышления довели меня до тоски по отчизне (*nostalgie*), немало было и отрадноразнообразных минут.

Ранней весной приехал кн. Алексей Д. Салтыков⁴¹² из Египта в Париж. Я с ним был давно знаком, а в течение 1853 года мы с ним часто дружески видались. Нередко в начале весны, когда еще почти не было зелени, езжали мы в bois de Boulogne и позже, летом, нередко обедали и проводили время вместе. Он художник в душе — дипломат (чересчур вежливый) по наружности.

Сад des Tuilleries превосходен весной — яркая зелень диких каштанов (*marronniers*), сирени в полном цвету, но в особенности рой милостивых, уже ловких и мило одетых детей, девочек в особенности, нравится и привлекает. Амалия иногда веселила, но чаще докучала мне своею излишней живостью. Она уехала в Бордо около начала июня. До ее отъезда случайно отыскалась одна наша знакомая испанка по обратному путешествию нашему из Севильи в Мадрид в 1847 году. Антония была очень хорошенькая, резвая и веселая андалузка; к сожалению, она скоро уехала обратно в Испанию.

A d e l i n e Н., изредка навещавшая Амалию, модистка, по моему приглашению посещала меня часто, а летом переехала ко мне в качестве няни. Ей было под 30 лет, она была приятная, довольно благовоспитанная и очень грамотная барышня.

Однажды в исходе лета***, возвратясь из утренней прогулки, я застал Мейербера в нашей гостиной с Дон Педро⁴¹³. С свойственной ему любезностию Мейербер говорил о разных предметах. Спросил об издании моих опер — я показал ему печатные экземпляры, бывшие со мною, «Жизни за царя» и «Руслана»⁴¹⁴. Речь зашла о Глюке, и на вопрос мой — производит ли музыка его эффект на сцене? Мейербер отвечал мне, что именно на сцене только Глюк становится великим (*grandiose*). Он обещал мне при моем отъезде дать знать в Берлин заблаговременно и похлопотать о том, чтобы одну из глюковых опер дали для меня. В Берлине в то время были на сцене 4 оперы Глюка: две «Ифигении», «Армида» и «Альцеста». От Глюка перешли мы к другим классическим композиторам, причем я высказал мой взгляд на искусство. «*Mais vous êtes très difficile!*» — сказал мне

* В копии Глинкой приписано *индианку*.

** Несмотря на то, я не брал доктора, по справедливости опасаясь шарлатанов французских и других. — *Примеч. Глинки*.

*** На полях рукой В. В. Стасова приписано: «Не в исходе, а в июне (см. письмо 26 июня 1853)».

Мейербер. — «J'en ai complètement le droit, — отвечал я ему, — je commence par mes propres oeuvres, dont je suis rarement content»*.

После этого раза я не встречался с Мейербером. Зимой или к весне он поставил в Орега с о м и қ и е оперу «L'étoile du nord»⁴¹⁵, я ее не слыхал и негодовал за то, что в ней выведен Петр 1-й весьма непочтительно.

В конце лета 1853 года египетский паша прислал императору французов молодого бегемота (hyppopotame), — стечение в Jardin des plantes было такое, что долго я с Pedro не мог увидеть этого любопытного зверя. Был также привезен троглодит (chimpanzé)⁴¹⁶, хотя небольшой, но настоящей породы. В летние месяцы он сидел в большой клетке, где оставили немного обезьян, с которыми он выделял удивительнейшие проказы.

Кроме посещения Jardin des plantes и прогулок по окрестностям, я любил иногда угощать соотечественников обедом у себя. Каждый новоприезжий приятель непременно по моему настоятельному требованию являлся ко мне на обед. Я сам с Зоей ходил выбирать плоды и умел очень ловко распоряжаться.

В глубокую осень поставили в моей спальне калорифер, который был хорош, [так]** что в зимнее время, когда морозило, несмотря на то, что не было двойных окон, мне было тепло. Некоторые знакомые снимали даже сюртуки и галстуки в моей спальне. Несмотря на это, я хворал всю зиму, вероятно, отчасти оттого, что курил палыросы, несмотря на неоднократные предостережения Аделины, справедливо замечавшей, что курение табаку мне вредило. Зимую всю я сидел дома и хандрил; Аделина читала бойко и отчетливо. Она прочла мне почти всего Paul de Kock, «Тысяча [и] одну ночь» (жаль, что я не читал этих сказок до сочинения моей оперы «Руслан»!) и «Décaméron» Боккаччио. Серьезным чтением и делом я не был расположен заниматься.

Вскоре по объявлении войны России с Францией я с Pedro уехал из Парижа⁴¹⁷, навестив перед отъездом Jardin des plantes, как любимое мною место. Как было тепло и приятно в этом чудесном саду — цвели плодоносные деревья и магнолии.

В ночь перед самым выездом у меня сделалось сильное расстройство желудка, несмотря на что утром на другой день я выехал по Северной железной дороге. Это было в начале апреля 1854 года по новейшему штилю. Аделина провожала меня до железной дороги. Вечером в 10 часов мы прибыли благополучно в Брюссель и остановились в Hôtel de Suède.

Нам подали ужинать, но после бывшего со мною расстройства желудка я не мог решительно есть, притом же трактирная пища мне показалась очень нехорошею. На другой день брат Непруг Веа-

* «Но вы чрезвычайно требовательны!» — «Я имею полное право на это. Я начинаю с требовательности к своим собственным произведениям, которыми редко бываю доволен» (франц.).

** Слово так вписано рукой В. В. Стасова.

и с é пригласил меня с Педро обедать, я ничего не ел, но не отказался от превосходных вин, которыми он угощал нас. Вечером мы были в театре и порядком посмеялись — давали пьесу, которая относилась к тогдашнему политическому вопросу. На третий день приезда в Брюссель я посетил семейство Фейген. Одна из барышень была невестой Дамке, с которым я тогда познакомился. Мы были в мастерской очень талантливого, но крайне сумасбродного живописца⁴¹⁸; имени не упомяну. Его картины произвели на меня крайне неприятное впечатление. Вечером того дня с семейством Фейген мы отправились к одному бельгийскому любителю музыки. На вечере были там скрипач Léonard с женою⁴¹⁹ и Серве. По моей просьбе исполнили трио D-d u г Бетховена, на фортепиано играл очень хорошо, т. е. просто (не вычурно) и отчетливо, сам хозяин, на скрипке Léonard, на виолончеле — не знаю кто, только не Серве, который не играл вовсе, а важничал, и между прочим, пригласил меня к себе в поместье поохотиться.

Когда я по окончании трио стал благодарить хозяина, он, указывая на Серве и на других находившихся там виртуозов, сказал мне: «Ce sont tous mes amis, mais je ne les aime pas!»*.

На Кёльн и Ганновер по железной дороге мы приехали в Берлин. Меня до крайности размолочило, мы ехали *avec la grande vitesse***.

С радости я увидел Дена, который угощал меня квартетами, Гайдна в особенности. Не был забыт и мозельвейн. Здоровье мое было расстроено, погода сделалась очень сурова. Но я перемогался, вспомнил, что дают Глюка на театре, и решился, несмотря на недуг, услышать одну из его опер. По совету Дена я обратился к издателю Шлезингеру, который с израильскою услужливостью представил меня директору театров, который принял меня ласково и обещал мне свое содействие. Кроме меня был в Берлине приезжий композитор из немцев (имени не упомяну), который так же, как и я, желал слышать одну из опер Глюка. По совету Шлезингера, я был у первой певицы г-жи Кёстер. С разрешения короля дали наконец «Армиду»⁴²¹. Эффект на сцене этой музыки превзошел мои ожидания. Сцена в очарованном лесу D-d u г с сурдинами очаровательна. Сцена 3-го действия с ненавистью (Большая сцена, как ее называют немцы) необыкновенно величественна. Г-жа Кёстер, по моему, была хороша, пела верно, играла умно; стройный ее стан чрезвычайно хорошо шел к роле. Оркестр, по моему, лучше несравненно, чем в Парижском консерватории, — играли без вычур, но отчетливо — полнота этого оркестра была более чем удовлетворительна: 12 первых, 12 вторых скрипок, 8 альтов, 7 виолончелей и столько же контрабасов, духовых по два инструмента. Обстановка очень хорошая (*zweckmässig*) — сады из ландшафтов Клод Лоррена, балет и прочее. Это было 74 представление «Армиды», и театр был полон.

* «Это все мои друзья, но я не люблю их!» (франц.).

** С большой скоростью (франц.).

Я был также в Singverein*, в страстную пятницу давали «Tod Jesu» Грауна⁴²², пели недурно, оркестр был слаб, а музыка еще слабее.

В Варшаву я приехал благополучно⁴²³ и остался там лишнюю неделю по причине опухоли правой ноги (вероятно, от тесных парижских сапог). Корсак, поэт Вольский и Н. Волков, который был сделан директором Штукпенкных**, часто навещали меня, последний дал мне на время свой рiапiно.

Вольф успокоил меня насчет ноги: благодаря князя А. М. Голицына (директора почт в Варшаве), 11 мая в почтовой карете*** мы отправились в С.-П[етер]бург, куда прибыли благополучно 16 мая 1854 года рано поутру; я вздремнул, а Pedro, узнавши адрес сестры в Царском Селе, полусонного перевез меня в Царское, где я нашел сестру Людмилу Ивановну и маленькую крестницу племянницу Оленьку в вожделенном здравии.

Конец

---

* Певческом обществе (нем.).

** Sztuki pienkne — изящные искусства (польск.).

*** Слово *карете* вставлено Глинкой в копии.

³¹⁵ Глинка приводит здесь отрывок из статьи Анри Мериме, помещенной в журнале «Revue de Paris» и впоследствии включенной им в книгу «Une année en Russie, lettres à M. J. M. Girardin par H. Merimée». Paris, 1847 («Год в России», письма А. Мериме к г. Ж.-М. Жирардену. Париж, 1847).

³¹⁶ Всего в 1842—1846 гг. опера «Руслан и Людмила» представлена была 56 раз. См.: Глинка М. Записки. Под редакцией В. М. Богданова-Березовского. Л., 1953. Осенью 1843 г. дирекцией имп. театров в Петербурге была создана итальянская оперная труппа, а русская труппа переведена в Москву и с нею вместе и «Руслан и Людмила» Глинки.

Период 11

³¹⁷ Точная дата отъезда Глинки не установлена. В журнале «Литературные прибавления к „Нувеллисту“» появилась заметка о том, что «знаменитый наш композитор Глинка едет за границу» (1844, № 6, ценз. разрешение от 31 мая). По-видимому, выехал Глинка или в самые последние дни мая, или в начале июня 1844 г. Дорога от Петербурга до Смоленска, «несколько дней» жизни в Новоспасском, заезд в Беззаботье, затем шестидневное путешествие из Смоленска в Варшаву могли занять от двух с половиной до трех недель. 25 июня Глинка писал матери уже из Варшавы.

³¹⁸ Приезд Глинки в Берлин можно датировать приблизительно 12 или 13 июля 1844 г., так как в письме к матери от 9/22 августа Глинка сообщал о том, что находится в Париже уже четыре недели.

³¹⁹ Партитуры опер Глинки не были тогда еще изданы. С собой он вез несомненно рукописные копии с них. Дальнейшая судьба их неизвестна.

³²⁰ Правильнее: Kermesse; так называется ежегодный храмовый приходский праздник. Обычно он сопровождается ярмарками, состязаниями, выступлениями народных музыкантов, уличными представлениями.

³²¹ Празднества в годовщину июльской революции 1830 г.; жуты (joutes) — состязания.

³²² О задуманном кн. Э. Мещерским переводе романсов Глинки на французский язык композитор писал матери 16/28 сентября 1844 г. В письме от 29 сентября / 11 октября того же года он сообщил Е. И. Флэри о том, что работа подходит уже к концу и «некоторые переведены очень удачно». Извещая Евгению Андреевну о смерти молодого поэта 22 ноября / 4 декабря 1844 г., Глинка говорил о желании княгини Мещерской издать переводы сына.

Какие именно романсы были переведены, не установлено, и переводы не обнаружены. В письме к Л. А. Гейденрейху от 16/28 февраля 1845 г. Глинка писал о том, что «должен был отказаться от намерения издать несколько романсов в французском переводе».

³²³ Ф. Лист провел в Испании и Португалии зимние месяцы 1844/45 г. Глинка ожидал его приезда в Париж, надеясь при его посредстве сблизиться «с первыми артистами Парижа» (письмо к матери от 4/16 ноября 1844 г.). Сначала возвращения Листа во Францию ожидали в марте — апреле 1845 г., но в конце этого месяца в прессе появилось сообщение о том, что из Лиссабона он поедет в Германию, а оттуда в конце июня в Англию. Таким образом, свидание Глинки с ним во Франции не состоялось.

³²⁴ Разрешение от Е. А. Глинки на поездку в Испанию композитор получил в конце 1844 г. Глинка благодарил ее за это в письме от 30 декабря 1844/11 января 1845 г.

³²⁵ Глинка пользуется испанской транскрипцией названия романа «Жиль Блаз» французского писателя А. Р. Лесажа.

³²⁶ Комедия «El sí de las niñas» («Когда девушки говорят: да») испанского писателя Леандро Фернандес де Моратина.

³²⁷ На отдельную квартиру Глинка переехал в конце января или самом начале февраля 1845 г. (см. письмо к Е. А. Глинке от 6/18 февраля 1845 г.).

³²⁸ История знакомства Глинки с Г. Берлиозом имеет несколько версий. В «Записках» композитор утверждает, что познакомил их М. А. де Суса. В. В. Стасов писал о кн. В. П. Голицыне (Стасов В. В. Лист, Шуман и Берлиоз в России.— Избр. соч., т. 3, М., 1952, с. 438). В письмах к Е. И. и В. И. Флэри (от 15/27 февраля 1845 г.) и к П. А. Бартеневой (от 9/21 мая 1845 г.) сам Глинка сообщал, что он обязан этим знакомством кн. Г. П. Волконскому, давшему ему письмо к французскому композитору. Надо полагать, что письма, написанные под непосредственным впечатлением от события, вернее отражали истинное положение вещей.

Сопоставляя содержание письма Глинки к матери от 6/18 февраля 1845 г., в котором он ни слова не говорил о Берлиозе, с письмом к семейству Флэри от 15/27 февраля того же года, можно предположить, что его визит к Берлиозу состоялся между этими датами; тем самым условно устанавливается время их знакомства. Самое понятие «знакомство» в данном случае тоже следует понимать условно, так как первая их встреча состоялась в Риме в 1831 г., о чем Берлиоз вспомнил в своей статье, посвященной Глинке.

³²⁹ В цирке на Елисейских полях Г. Берлиоз дал не два, а четыре концерта под общим названием «Fêtes musicales» («Музыкальные празднества»): 7/19 января, 4/16 февраля, 4/16 марта и 25 марта / 6 апреля 1845 г. В третьем из них были исполнены Лезгинка из оперы «Руслан и Людмила» и ария Антонида из оперы «Иван Сусанин» Глинки, которую спела А. Соловьева.

³³⁰ В помещении Парижской консерватории давало концерты «Концертное общество» («Société des concerts») под управлением Ф. А. Габенка, известного пропагандиста творчества Бетховена во Франции. Исполнение Шестой (Пасторальной) симфонии состоялось, вероятно, 24 февраля/9 марта 1845 г.

³³¹ В данном случае Глинка говорит о своем концерте, состоявшемся 29 марта/10 апреля 1845 г. в зале Герца в Париже. Для этого концерта он вновь инструментовал «Вальс-фантазию». Выше была упомянута переоркестровка Лезгинки из «Руслана и Людмилы». Этими двумя работами, по-видимому, ограничилась творческая деятельность Глинки в Париже, хотя в прессе и промелькнули сообщения о его намерении написать новую оперу для Комической оперы.

Приводим программу концерта Глинки в зале Герца: Дж. Россини. Увертюра для большого оркестра (к опере «Семирамида»).— Глинка. «Желание», итальянский романс, слова Ф. Романи, исп. Марра.— Ш. Берио. Andante и русское рондо для скрипки, исп. Т. Гауман.— Глинка. Скерцо в форме вальса для большого оркестра («Вальс-фантазия»).— В. Беллини. Дуэт из оперы «Пуритане», исп. А. Соловьева и Марра.— Л. Мейер. Русские песни и Триумфальный марш для фортепиано, исп. Л. Мейер.— Глинка. Краковяк, танец из оперы «Иван Сусанин» для большого оркестра.— Глинка. Драматический романс для сопрано с сопровождением фортепиано и виолончели («Сомнение»), исп. по-русски А. Соловьева, Тарко и Шевильяр.— Т. Гауман. Интродукция и бравурные вариации для скрипки (в оригинале ошибочно — фортепиано), исп. Т. Гауман.— Глинка. Большая каватина для сопрано из оперы «Руслан и Людмила», исп. по-русски А. Соловьева.— Глинка. Фантастический марш из оперы «Рус-

лан и Людмила» для большого оркестра. В концерте участвовал оркестр Итальянской оперы под управлением Т. А. Тильмана. Как указывал Глинка, из-за болезни А. Соловьевой программа была изменена.

³³² Концерт Глинки был дан в пользу «Общества артистов-музыкантов».

³³³ Во французских газетах весной 1845 г. появилось несколько статей и заметок, посвященных Глинке и исполнению его произведений. По поводу третьего концерта Г. Берлиоза в журнале «*Menestrel*» была помещена статья (без подписи), где говорилось об арии Антонида: «Первая часть этой арии действительно имеет свой, совершенно особенный колорит и характер, но рондо сочинено в формах чисто итальянских; что касается танцев, то они замечательно оригинальны, может быть даже слишком; среди них есть один в три четверти вроде вальса, который производит прелестное впечатление» (*Menestrel*, 1845, 11/23 mars, № 17). Рецензию на этот концерт написал и М. Бурж (*Revue et gazette musicale de Paris*, 1845, 11/23 mars, № 12). Выдержки из нее в русском переводе см. в кн.: Г л и н к а. Лит. наследие, 2, с. 453. В той же газете М. Бурж поместил статью «*M. de Glinka*», в которой упомянул, что он ознакомился с операми Глинки по партитурам, совместно с автором.

В журнале «*Illustration*» 14/26 апреля 1845 г. критик Б. Жувен поместил обзорную статью, в которой много места уделил и Глинке. Он сообщил несколько фактов из его биографии и сделал краткую оценку не только его творчества, но и его исполнительского таланта: «Говорят, он хороший скрипач, а по тому, как он аккомпанировал в своем концерте различные вокальные пьесы, для присутствовавших в нем открылся замечательный пианист». Упомянутый Глинкой журнал «*Revue britannique*» поместил небольшую заметку о концерте и произведениях Глинки.

Известную статью Г. Берлиоза «*Michel Glinka*» поместила 4/16 апреля газета «*Journal des Débats politiques et litteraires*». Она тогда же была переведена на русский язык и под названием «Мнение Берлиоза о М. Глинке» опубликована в русской прессе (Спб. ведомости, 1845, 19 и 20 апр.; Моск. ведомости, 1845, 26 и 28 апр.; перепечатано: Глинка. Творческий путь, 2, с. 257—261).

Об исполнении музыки Глинки и его концерте писал из Парижа Н. И. Греч (Северная пчела, 1845, 10 и 24 апр.).

³³⁴ В течение десяти месяцев, проведенных в Париже в 1844—1845 гг., Глинка вел очень оживленную жизнь, бывая в разных кругах общества, встречаясь с самыми различными людьми.

В первую очередь надо назвать представителей «русской колонии» в Париже. Помимо упомянутых в «Записках» кн. Э. П. Мещерского, кн. В. П. Голицына, Ф. Д. Геденова, Глинка общался тогда с Н. А. Мельгуновым, Н. И. Гречем, Мих. Ю. Виельгорским и его семьей, Краевскими. А. С. Даргомыжский в письме к отцу от 6/18 января 1845 г. описывал новогоднюю вечеринку на парижской квартире Глинки, на которой и он присутствовал.

И. И. Панаев вспоминал о своих встречах с Глинкой в Париже в двух статьях (Современник, 1857, № 3; Современник, 1861, № 12). Имя Глинки неоднократно упоминается и в воспоминаниях И. Ф. Ширкова, брата либреттиста «*Руслана и Людмилы*» (ГПБ, ф. 608, № 148).

Из французских музыкантов первое место должно быть, конечно, отведено Г. Берлиозу, знакомство с которым Глинка относил к числу наиболее значительных событий парижского периода его жизни. Другим крупным французским музыкантом, с которым тогда познакомился Глинка, был Д. Обер. Но кроме беглого упоминания в письме к матери от 29 сентября/11 октября 1844 г. и краткой записи самого Обера в «Испанском

альбоме», эта встреча не оставила следов. В числе других французских знакомых Глинки следует назвать пианиста Анри Герца, в чьем зале он давал свой концерт, литератора Анри Мериме, автора известного отзыва о первой опере Глинки, Эдуарда Вольфа, польского пианиста и друга Ф. Шопена. Все эти лица также оставили свои автографы в альбоме композитора. Леон Кудерк карандашом нарисовал там портрет А. Мериме. Известен также литографированный им портрет самого Глинки. Здесь же следует упомянуть супругов-музыкантов Польмартен, которых Глинка неоднократно посещал.

Через Э. П. Мещерского Глинка познакомился с Э. Дешаном и у него встретился с В. Гюго (см. письмо к Е. А. Глинке от 29 сентября/11 октября 1844 г.).

Известны встречи Глинки с музыкальным критиком М. Буржем. Нельзя забывать также и о знакомствах Глинки в театральных кругах. Так, А. С. Даргомыжский упоминает о присутствии на вечере встречи нового, 1845 г. у Глинки актрисы Дезире Майер.

В Париже у Глинки появились тогда и первые знакомые испанцы: маркиз М. А. де Суса, Б. Герреро, С. Эрнандес.

Период 12

³³⁵ Маршрут поездки Глинки по Испании был им заранее продуман, как в свое время маршрут путешествия по Германии и Италии. В Памплоне он пробыл 5 дней и после 27 мая/8 июня выехал в Вальядолид.

³³⁶ В Вальядолиде Глинка начал записывать испанские народные напевы в специально заведенную для этого нотную тетрадь. Всего в ней записано 17 напевов (один листок оттуда вырван, и местонахождение его неизвестно; по уцелевшим буквам видно, что на нем находилась запись, сделанная в Вальядолиде) (ГПБ, ф. 190, № 12).

³³⁷ В Вальядолиде Глинкой было записано шесть напевов. Из них, кроме арагонской хоты, он использовал также тему хоты из Вальядолида в романсе «Милочка».

³³⁸ Вместе с семьей Сантьяго Глинка выехал в Мадрид 30—31 августа/11—12 сентября 1845 г.

³³⁹ В. П. Боткин, путешествовавший по Испании одновременно с Глинкой (он уехал из Парижа в июле 1845 г.), писал: «Puerta del Sol [дословно — Ворота солнца. — А. Р.] вовсе не ворота, а небольшая площадь, называемая так от прежде бывших тут городских ворот солнца. Здесь центр Мадрида, сюда сходятся все его главные улицы» («Письма об Испании». Спб., 1857, с. 17).

³⁴⁰ Это произведение в рукописи озаглавлено: «Capricho brillante para gran orchestra sobre la Jota Aragonesa compuesto por Miguel de Glinka. Madrid año 1845»; в начале Vivace дата: «Madrid, 24 Setiembre 1845» (ГПБ, ф. 190, оп. 1, № 6).

Первое издание партитуры «Арагонской хоты» (на средства Л. И. Шестаковой) относится к 1858 г. (Leipzig, Siegel).

³⁴¹ В нотную тетрадь с записями испанских народных напевов Глинкой занесены три ламанские сегидильи, очевидно услышанные им в Мадриде в конце 1845 г.

³⁴² См. коммент. 371.

³⁴³ В. П. Боткин писал про Аранхуец: «Дворец очень обыкновенен; в нем замечательнее... небольшой павильон Карла IV (casa del labrador)» (Боткин В. П. Письма об Испании. Цит. изд., с. 76).

³⁴⁴ Фамилия английского архитектора — Робертсон. О своем пребывании в Мадриде К. А. Бейне писал своим друзьям-художникам в Рим 6 ноября 1845 г.: «Знакомы мы здесь со всеми замечательными художниками, которых, впрочем, очень немного — соотечественников, кажется, только один весьма интересный, это Глинка, познакомил-

ся я с ним, живем по соседству и видимся каждый день. Живет он тихо, но очень дельно. У него бывает часто Tertulias (общества), тут играют, пляшут хоту,— наедине он толкует мне и об черных клавишах, об родстве звуков, об инструментах, о драме в музыке и о Бортнянском, идет речь об Verdi, и так до бесконечности, с красноречием и eruditione. На днях он ставит для оркестра в Teatro del Circo свой Моисеа на премилый мотив хоты, успех наверно. Скоро едет он в Гранаду, мы там проживем месяца полтора вместе, я уверен, самым усладительным образом (...) Глинка уже говорит по-испански как испанец, мы тоже делаем успехи» (ГИМ, ф. 457, ед. хр. 7; опубликовано в кн.: Глинка. Творческий путь, 2, с. 25).

³⁴⁵ Описание этого танца оставил А. Дюма в своей книге «Из Парижа в Кадис» (Dumas A. De Paris à Cadix: Impressions de voyage. Paris, 1847, p. 298, 303—304). А. Дюма описывает свою поездку по Испании в период с 5 по 28 октября 1846 г. В Мадриде он был одновременно с Глинкой на празднествах по случаю бракосочетания молодой королевы Изабеллы. Здесь 12 октября 1846 г. он видел выступление танцовщицы Ги-Стефани (Ги Стефан) и так же, как Глинка, остался в восторге от ее исполнения.

³⁴⁶ Музыку танца халео де херес Глинка сохранил не только в памяти. Как он пишет в «Записках», живя в 1848 г. в Варшаве, он «дал» музыку танца капельмейстеру князя И. Ф. Паскевича Поленсу; танец постоянно исполнялся оркестром под управлением Поленса и имел успех. В том же 1848 г. он передал А. П. Лоди для подготавливаемого тем сборника музыкальных пьес свой романс «Милочка» и Халео де херес Я. Скоцдополе в фортепианном переложении.

³⁴⁷ Глинка выехал из Мадрида 14/26 ноября и приехал в Гранаду 17/29 ноября 1845 г.

³⁴⁸ К. А. Бейне писал Н. А. Рамазанову 22 апреля 1846 г. из Гранады: «Первое время в Гранаде провели мы чудесно, зима была удивительная, с нами Глинка, и тут и Альгамбра и Fandango, и Segapat'ы и Андалузские вина, и бабы, все было на сцене.— Глинка весьма милый парень, как и ты его знаешь, кончил здесь тем, что увез в Мадрид с собою чудесную грандинку с голосом что твой Иванов» (ГИМ, ф. 457, ед. хр. 7, л. 13 об.). От этой певицы, которую звали Долорес Гарсия, Глинка записал несколько песен.

³⁴⁹ Возможно, в Гранаде от цыган Глинка услышал и сделал запись «Cancion de los gitanos», не имеющую даты (Глинка. Лит. наследие, 1, с. 375—376).

³⁵⁰ Дон Педро Фернандес Неласко Сендино на долгие годы стал спутником Глинки и чем-то вроде его секретаря. Глинка не только путешествовал с ним по Испании, но и вывез с собой в Россию, затем жил с ним в Варшаве, в Париже и снова в России вплоть до 1855 г., когда дон Педро окончательно уехал в Париж. Перед его отъездом Глинка подарил ему партитуры «Арагонской хоты», «Ночи в Мадриде» и «Камаринской» с дарственными надписями от марта и апреля 1855 г. (в настоящее время эти рукописи находятся в Национальной библиотеке в Париже).

³⁵¹ Глинка пишет о художественном музее Прадо (основан в 1819 г.), в котором хранятся картины величайших европейских мастеров XV—XIX вв. То же название носило и описанное В. П. Боткиным популярное в то время «загородное гулянье Prado: широкое шоссе, по обеим сторонам которого идет аллея каштанов». По его словам, «Prado есть место свидания всего лучшего общества Мадрида» (Боткин В. П. Письма об Испании, с. 24—25).

³⁵² В 1846 г. в Мадриде состоялись торжественные бракосочетания испанской королевы Изабеллы II с ее двоюродным братом инфантом Франциском-Мария-Ферди-

нандом и одновременно ее сестры Марии-Луизы с герцогом А. де Монпансье, пятым сыном французского короля Луи-Филиппа.

³⁵³ 15/27 ноября 1846 г. в Мадриде в придворном концерте было исполнено трио из оперы «Иван Сусанин». Через день после этого Глинка выехал в Севилью (письмо к матери от 15/27 ноября 1846 г.).

³⁵⁴ Месquita (Mezquita) — знаменитая мечеть, построенная в VIII—X вв., когда Кордова была столицей арабского эмирата. В XIII в. была превращена в кафедральный собор.

³⁵⁵ 30 ноября/12 декабря 1846 г. Глинка писал матери из Севильи: «Скажу Вам, что все виденное доселе в этом роде ничего в сравнении с здешними танцовщицами — одним словом, ни Тальони в качуче, ни другие не произвели на меня такого впечатления». Качуча, как и упомянутое ниже Глинкой оле — испанские народные танцы.

³⁵⁶ Уле Буль оставил в «Испанском альбоме» Глинки запись, датированную [29 марта]/10 апреля 1847 г.

³⁵⁷ Последняя запись, сделанная в «Испанском альбоме» в Севилье органистом местного собора Э. Гомесом, датирована [30 апреля]/12 мая 1847 г. Первая запись, сделанная после того в Мадриде, помечена [15]/27 мая 1847 г. Следовательно, из Севильи Глинка выехал не «в начале мая», а после 12 мая.

³⁵⁸ Из Мадрида Глинка уехал в последних числах мая: запись С. Вела в его «Испанском альбоме» датирована [16]/28 мая 1847 г.

³⁵⁹ Пианисты Х. Гельбенсу и С. Вела последними из испанских знакомых Глинки расписались в его альбоме.

³⁶⁰ В По Глинка был 6/18 июня, а на следующий день должен был через Тулузу отправиться в Париж.

³⁶¹ Выехав из Тулузы в Париж, Глинка пробыл там, по его словам, «около 3 недель»; отъезд его оттуда мог состояться, вероятно, 1/13 июля. В Новоспасское, по словам Л. И. Шестаковой, он прибыл 28 июля 1847 г. по старому стилю. На поездки в Киссинген (где он прожил 5 дней), Вену, Варшаву (там он прожил 6 дней) и на возвращение в Новоспасское у него ушло 28 дней.

Период 13

³⁶² «Финский вестник» писал о предполагаемом приезде Глинки в Петербург: он «был уже на пути... как на первой станции от Смоленска неожиданный холодный ветер охватил его и нервная боль вынудила в то же время вернуться в город, чтобы искать пособия медика» (1847, № 10, Смесь, с. 104).

³⁶³ Пьеса «Воспоминание о мазурке» была сочинена в Смоленске осенью 1847 г. Баркарола написана там же; автограф с пометой: «Смоленск. 25 сентября 1847 года» хранится в архиве Глинки в ГПБ. Обе пьесы позднее были изданы Ф. Стелловским под общим названием «Привет отчизне».

³⁶⁴ Автограф фортепианного варианта «Молитвы» под названием «Priere pour le pianoforte dédiiée à Don Pedro Nelasco Fernandez Sendino par son ami M. Glinka» датирован 28 сентября 1847 г. (ЛГИТМиК, ф. 6, оп. 1, № 16). В 1855 г. Глинка переделал «Молитву» для голоса, хора и оркестра, подтекстовав стихотворение М. Ю. Лермонтова «В минуту жизни трудную».

³⁶⁵ Сохранилась авторизованная копия «Вариаций на шотландскую тему» с заглавием, написанным рукой Глинки, и датой: «Смоленск 17 Décem[bre] 1847» (ЛГИТМиК, ф. 6, оп. 1, № 8). В начале 1850-х гг. Ф. Стелловский издал пьесу с эпиг-

рафом, отсутствующим в рукописи: «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной. Батюшков». В настоящее время известно, что тема, положенная в основу «Вариаций», не шотландская, а ирландская народная песня из сборника «Irish melodies», составленного Дж. Стивенсоном и Г. Муром.

³⁶⁶ Автограф романа «Милочка» — нотная запись одного куплета и стихотворный текст прочих — датирован: «Смоленск. 17 ноября 1847 года» (ЛГИТМиК, ф. 6, оп. 1, № 3). Автор текста не установлен. Романс был впервые опубликован в «Собрании музыкальных пьес», изданном А. П. Лоди в 1848 г.

³⁶⁷ Романс «Ты скоро меня позабудешь», сочиненный Глинкой в 1847 г. на слова Ю. Жадовской, впервые был опубликован в 1848 г. в «Музыкальном альбоме с карикатурами», составленном А. С. Даргомыжским и Н. А. Степановым. 8/20 февраля 1848 г. Глинка писал Степанову и Даргомыжскому о том, что посылает им этот романс. В 1855 г. Глинка инструментовал его для Д. М. Леоновой.

³⁶⁸ Упоминаемый Глинкой обед состоялся 23 января 1848 г. Статья И. В. Романуса с его описанием появилась в «Северной пчеле» 12 февраля 1848 г. Частично она оказалась записанной в «Испанском альбоме» Глинки.

³⁶⁹ 22—24 февраля 1848 г. во Франции произошла буржуазно-демократическая революция, приведшая к установлению буржуазной республики. В июне того же года буржуазия подавила выступления рабочего класса в кровавых уличных боях.

³⁷⁰ О пении Е. М. Коньяр П. А. Степанов, позднее бывавший на вечерах у кн. В. Г. Кастриото-Скандербек, вспоминал: «Так понимать исполняемое, так выражать то, что поняла, — не могла ни одна слышанная мною певица. Ее пение приводило в трепет, дрожь пробегала по жилам, в жар бросало». После того, как однажды она спела романс Глинки «Ты скоро меня позабудешь», композитор сказал ей: «После вас я не буду больше петь этот романс» (см.: Воспоминания, с. 64—65).

³⁷¹ В Варшаве Глинка сочинил тогда первую редакцию Второй испанской увертюры, названной им «Воспоминания о Кастилии»; она была исполнена вскоре после того там же, а в Петербурге — 15 марта 1850 г. В августе 1851 г. Глинка сделал вторую редакцию увертюры, впоследствии получившую название «Ночь в Мадриде» или «Воспоминание о летней ночи в Мадриде», впервые прозвучавшую в концерте из произведений Глинки 2 апреля 1852 г. в Петербурге. Именно эта редакция сделалась общепринятой и впервые была издана в 1858 г. в Лейпциге.

³⁷² Сохранилась рукописная копия романа «Слышу ли голос твой» на слова М. Ю. Лермонтова, где название романа написано на заглавном листе рукой Глинки, датированная: «Варшава. 7/19 ноября 1848 года» (ЛГИТМиК, ф. 6, оп. 1, № 17). Впервые издан фирмой «Одеон».

³⁷³ Романс «Заздравный кубок» на слова А. С. Пушкина впервые опубликован М. Бернардом без указания на год, но, вероятно, тоже в 1848 г. На титульном листе обозначено: «Музыка посвящена V. C.» (Veuve Cliquot) (Вдове Клико).

³⁷⁴ «Песнь Маргариты» из трагедии И. В. Гёте «Фауст» в переводе Э. И. Губера была издана в 1848 г. М. Бернардом.

³⁷⁵ Автограф партитуры «Камаринской» не имеет названия. В начале рукописи выставлена дата: «6 августа 1848 г. Варшава», в конце — «19 сентября/10 октября 1848. Варшава» (ГПБ, ф. 190, № 7). Партитура впервые издана в 1860 г.

³⁷⁶ Прочтя в опубликованных уже после смерти Глинки его «Записках» этот отзыв о себе, Ф. М. Толстой пытался оправдаться тем, что его слова были неверно истолкованы «недоброжелателями», восстанавливавшими против него Глинку (см.: Толстой Ф. М. По поводу «Записок» М. И. Глинки.— Воспоминания, с. 114—115).

³⁷⁷ Глинка выехал из Варшавы после 7/19 ноября 1848 г.

³⁷⁸ Запрет ставить русские оперы в Итальянском театре Ф. М. Толстой объяснял не провалом его оперы «Парижский мальчишка» (наоборот, он считал, что она имела успех), а недовольством публики, которая «вместо произведений, пользующихся европейской известностью», получила оперу «неизвестного начинающего композитора» (см.: Воспоминания, с. 112—113).

³⁷⁹ Вечер в честь В. А. Жуковского состоялся 29 января 1849 г. Сам поэт находился тогда в Баден-Бадене. Друзья и почитатели его собрались у кн. П. А. Вяземского. Было прочитано сочиненное по этому случаю стихотворение Вяземского. «Потом пета была песнь, сочиненная князем Вяземским и положенная на музыку графом М. Ю. Виельгорским. В пении участвовали графы Виельгорские, князь В. Ф. Одоевский, М. И. Глинка, князья Оболенские, Опочинин, Балабин, Даргомыжский и другие любители музыки» (Русский инвалид, 1849, 29 янв., 1 февр.).

³⁸⁰ Вечер у В. Ф. Одоевского состоялся 23 февраля 1849 г.

³⁸¹ Автограф данного романа на слова П. Г. Ободовского, получившего название «Финский залив», датирован: «Кончено 8/20 сентября 50 года. Варшава» (ГПБ, ф. 190, № 5).

³⁸² «Молодые люди и литераторы иного поколения» — кружок петрашевцев, собиравшийся в 1845—1849 гг. Один из вечеров, когда Глинка встретился «с молодыми друзьями» на квартире у Н. А. Новосельского, описал П. М. Ковалевский (см.: Воспоминания, с. 252—254). Существует предположение, что Ф. М. Достоевский мог слышать пение Глинки в кружке петрашевцев (см.: Глинка. Творческий путь, 2, с. 77). В бумагах петрашевца А. П. Баласогло находится его запись о мировом значении творчества Глинки.

О своих встречах с Глинкой и Даргомыжским вспоминал близкий к этому кружку П. П. Семенов-Тянь-Шанский: «Глинка находился в то время в дружеских отношениях с жившими вместе с ним двумя моими сверстниками и приятелями: Николаем Александровичем Новосельским (впоследствии стоявшим во главе самых обширных предприятий в России и бывшим одесским городским головою) и Владимиром Ипполитовичем Дорогобужинным (впоследствии костромским губернатором). Оба они были большие меломаны, окружавшие самыми трогательными заботами Глинку, с которым жили на одной квартире и которого всегда сопровождали на музыкальные вечера к Буниным и Гирсам». И далее: «Сестры В. И. Бунина и А. И. Гирс прекрасно пели его романсы, затем и сам Глинка садился за фортепиано и начинал петь свои романсы несколько разбитым голосом, но с таким увлечением и с экспрессией, что приводил в восторг слушателей. По мнению Глинки, никто в то время не исполнял так хорошо его романсов, как Александра Ивановна Гирс и Вера Ивановна Бунина, имевшая очень чистый голос. Они давали каждому его романсу такое выражение, какое он, можно сказать, создавал в их присутствии. Когда требовались мужские голоса, то лучшими исполнителями произведений Глинки и Даргомыжского являлись превосходный баритон Опочинин (впоследствии адмирал) и тенора Харитонов и Моллериус» (Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары, т. 1. Детство и юность [1827—1855]. Пг., 1917, с. 215—216).

К этому же времени относится знакомство Глинки с С. Монюшко, посетившим Петербург в феврале 1849 г. (то был второй его приезд туда). Монюшко был связан с В. М. Кажинским, а Глинка, по свидетельству А. Н. Серова, часто посещал его. Именно там он мог встретиться и познакомиться с польским композитором (см.: Бэлла И. Ф. Польские друзья Глинки.— СМ, 1953, № 6, с. 55—56).

Период 14

³⁸³ Романс «Rozmowa» («Разговор») на слова А. Мицкевича впервые издан в Варшаве в 1850 г.

³⁸⁴ Романс «Адель» на слова А. С. Пушкина впервые опубликован М. Бернардом в 1850 г.

³⁸⁵ Романс «Мери» на слова А. С. Пушкина впервые издан М. Бернардом в 1850 г. под названием: «Мери. Песня из драматической сцены А. С. Пушкина. Музыка М. И. Глинки. Посвящен М... С... К...». Под драматической сценой подразумевается «Пир во время чумы» Пушкина, однако его стихотворение «Мери» с драматической сценой не связано. Романс посвящен Марии Степановне Кржисевич.

³⁸⁶ См. коммент. 381.

³⁸⁷ «Прощальная песня для воспитанниц Общества благородных девиц» для женского хора и оркестра была сочинена в 1850 г. на текст М. М. Тимаева. На автографе партитуры выставлены даты: в начале — «8/20 августа 1850 г. Варшава», в конце — «31 августа/12 сентября 1850 г. Варшава» (ГПБ, ф. 190, № 7). Хор впервые издан П. Юргенсоном под редакцией М. Балакирева в 1870 г.

³⁸⁸ Братья Риччи (Ricci) Луиджи и Федерико — итальянские композиторы, оперы которых пользовались успехом. Ф. Риччи с 1836 г. был инспектором классов пения при петербургском Театральном училище. О нем, вероятно, и может идти речь в данном случае, тем более, что привел его к Глинке А. Л. Невахович, также служивший в дирекции императорских театров в Петербурге.

³⁸⁹ Е. А. Глинка умерла 31 мая 1851 г.

³⁹⁰ О Второй испанской увертюре см. коммент. 371.

³⁹¹ Глинка выехал из Варшавы не в начале, а в середине сентября и прибыл в Петербург 24 сентября 1851 г. Он временно остановился в гостинице Волкова на Большой Коюшениной улице, а 3 октября переехал в дом Мелихова на Моховой улице (см. письмо А. Н. Серова к В. В. Стасову от 3 сентября 1851 г. — СМ, 1943, № 5, с. 68).

³⁹² «Играющие в 4 руки» процветало в доме Глинки в 1851—1852 гг. и во время его последнего пребывания в Петербурге в 1854—1856 гг. Количество участников менялось, и ансамбль доходил иногда до шести человек (двенадцать рук). Исполнителями были обычно Д. В. Стасов, А. Н. Серов, В. П. Энгельгардт, К. П. Вильбоа, М. Л. Сантис. Репертуар состоял преимущественно из произведений Баха, Бетховена, Керубини, Вебера и Глинки. Переложения делали сами участники ансамбля: Серов, Энгельгардт, иногда Д. В. Стасов. Некоторые из рукописей сохранились в архивах А. Н. Серова и В. Д. Комаровой в ГПБ. Н. А. Степанов зарисовал несколько эпизодов этого музицирования, один из которых воспроизводится в настоящем издании.

³⁹³ Л. И. Шестакова писала, что Глинка был несказанно обрадован ее приездом. «Увидя меня, брат кинулся передо мной на колени и зарыдал как ребенок». Когда он узнал о ее решении остаться на зиму в Петербурге, то обрадовался так, что и «описать невозможно: весь день был весел, пел, играл, был мил, любезен с гостями так, как он умел быть любезным, когда хотел» (Воспоминания, с. 49).

³⁹⁴ 27 октября 1851 г. Глинка составил завещание, по которому оставил Л. И. Шестаковой все свое движимое и недвижимое имущество, крепостных крестьян и денежный капитал.

³⁹⁵ Дом Жукова (ранее — Барбазана) сохранился в перестроенном виде.

³⁹⁶ Концерт по случаю 50-летия со дня основания С.-Петербургского Филармонического общества состоялся 2 марта 1852 г. под управлением Л. Маурера. Программа:

А. Львов. Гимн; М. Виельгорский. Вторая симфония, часть первая; А. Львов. «Stabat Mater»; Й. Гайдн. «Сотворение мира», часть первая.

³⁹⁷ В письме к Л. А. Гейденрейху от 28 февраля 1852 г. Глинка писал: «Завтра вечером (если никакого непредвиденного препятствия не встретится) будут исполнены у нас те классические арии Глюка, Керубини и пр., о которых я уже, помнится, говорил тебе». Так как 1852 г. был високосным, то вечер состоялся, очевидно, 29 февраля, в пятницу. Были исполнены арии из «Армиды» и «Ифигении в Тавриде» Глюка. Переложения для голоса с сопровождением гобоя, фагота и фортепиано сделал Д. В. Стасов, как о том можно судить по письму Глинки к нему от 16 февраля 1852 г.

³⁹⁸ 2 апреля 1852 г. состоялся второй концерт С.-Петербургского Филармонического общества под управлением К. Шуберта. Программа: Л. Бетховен. Симфония № 7 A-dur; Глинка. Романсы, исп. М. В. Шиловская; Глинка. «Камаринская»; Глинка. Вторая увертюра на испанские темы; К. Шуберт. Фантазия для пяти виолончелей и контрабаса на мотивы из оперы «Гугеноты» Д. Мейербергера, исп. К. Б. Шуберт, А. В. Маурер, А. Ф. Дробиш, Ц. Бер, В. А. Кологривов, Дж. Ферреро; Глинка. Ария из оперы «Руслан и Людмила», исп. М. В. Шиловская; Л. Маурер. Марш. Л. И. Шестакова довольно подробно писала о приготовлениях к этому концерту и о самом концерте. На генеральной репетиции оркестр и исполнители устроили Глинке овацию. Концерт имел у публики большой успех (см.: Воспоминания, с. 49—50).

³⁹⁹ В конце автографа «Первоначальной польки» для фортепиано в четыре руки композитором сделана запись: «Кончена 14 марта 52 года. С. П. Брг. на Невском в доме Жукова, на квартире Порутчицы Люд. Ив. Шестаковой, в коморке, отведенной в выше-означенной квартире для М. И. Глинки» (ГПБ, ф. 190, № 44). В том же году пьеса была издана К. Ф. Гольцем.

Период 15

⁴⁰⁰ Л. И. Шестакова писала о том, что Глинка уехал 25 мая 1852 г. (см.: Воспоминания, с. 50). Но в данном случае, по-видимому, более прав Глинка. День его отъезда (23 мая) подтверждает письмо А. Н. Серова к В. В. Стасову от 15 мая 1852 г. (см.: Русская старина, 1908, май, с. 466).

⁴⁰¹ В сохранившемся автографе пьеса называется: «Mazurka comp[osée] à la fin de Mai en diligence» («Мазурка, сочи[енная] в конце мая в дилижансе») (ГПБ, ф. 190, № 94, л. 77).

⁴⁰² Передвижение Глинки по странам Западной Европы и время пребывания его в тех или иных городах легко проследить по его письмам к Л. И. Шестаковой из-за границы. Выехав из Петербурга 23 мая, он находился в дороге в течение шести дней и ночей, следовательно, оказался в Варшаве 29 или 30 мая; отправившись оттуда 4/16 июня, 6/18 июня он прибыл в Берлин, где вместо трех дней провел неделю. Покинув Берлин 13/25 июня, Глинка через Ганновер, Кельн, Страсбург и Нанси прибыл в Париж 19 июня/1 июля 1852 г.

⁴⁰³ Находясь в Париже в 1929 г., А. К. Глазунов решил ознакомиться с местами, связанными с пребыванием Глинки в этом городе. Как он писал, «два дома, носящие номера 5 и 22 по улице Прованс, упоминаемые Глинкой, предстали предо мной не сохранившими своего первоначального вида. Зато отель „de la Marine Française“ по улице Croix des Petits Champs, № 48, расположенный в одном из старинных кварталов, судя по его непритязательной архитектуре, может быть на самом деле домом, в котором неоднократно останавливался великий русский композитор Глинка» (Г л а з у-

нов А. К. Воспоминания о пребывании Глинки в Париже.— В кн.: Памяти Глинки. 1857—1957. Исследования и материалы. М., 1958, с. 576).

⁴⁰⁴ Предпринимая второе путешествие в Испанию в 1852 г., Глинка, по-видимому, желал несколько изменить маршрут и завязать новые знакомства. С этой целью он обратился за содействием к своему молодому приятелю В. П. Энгельгардту. Сохранилась написанная тем на французском языке записка «Notes pour l'Espagne». В ней перечислены города: Барселона, Валенсия, Аликанте, Картахена, Альмерия, Малага, Гранада, Гибралтар, Кадикс, Пуэрто Санта Мариа, Херес, Севилья. При каждом из них указаны адреса гостиниц или постоянных дворов, а также имена лиц, к которым можно было бы обратиться от имени Энгельгардта. Дата отсутствует, но судя по всему, записка была составлена по возвращении Энгельгардта из Испании и может быть приурочена к 1852 г.

⁴⁰⁵ Из Парижа Глинка выехал 12/24 июля; 16/28 июля он прибыл в Тулузу, где прожил до 28 июля/9 августа, и возвратился в Париж 3/15 августа, о чем он и сообщил Л. И. Шестаковой 5/17 августа 1852 г.

⁴⁰⁶ Рукопись симфонии «Тарас Бульба» не сохранилась. Замысел ее, по свидетельству П. П. Дубровского, относился еще ко времени пребывания Глинки в Варшаве в 1848 г. (см.: Воспоминания, с. 263—264). В Париже Глинка работал над симфонией в течение двух недель: с 22 августа/3 сентября до 7/19 сентября 1852 г., а затем к этой работе более не возвращался. Позднейшая попытка использовать материал симфонии в опере «Двумужница» тоже не осуществилась. Незадолго до смерти, в письме к Л. И. Шестаковой от 14/26 ноября 1856 г., Глинка так мотивировал свой отказ от этой тематики: «Я слишком втянулся в церковную музыку: мне не до козацкого разгула».

⁴⁰⁷ По-видимому, в руках Глинки были следующие издания: «L'Iliade», traduction de M-me Dacier, revue et corrigée par H. Trianon. Paris, 1850; «Odyssee» suivie de Combat des rats et des grenouilles, des hymnes, des épigrammes et des fragments. Traduction par M-me Dacier (sic!). M. M. Trianon et E. Falconnet. Paris, 1850 («Илиада», перевод г-жи Дасье, отредактированный и исправленный г. А. Трианоном. Париж, 1850; «Одиссея, затем Война лягушек и мышей, гимны, эпиграммы и отрывки», перевод г-жи Дарсье [так!], гг. Трианона и Э. Фальконе. Париж, 1850).

⁴⁰⁸ Судя по газете «Revue et Gazette musicale de Paris» за 1852 г., опера «Иосиф» Э. Н. Мегюля шла в период между 31 августа/12 сентября и 7/19 сентября, а также 27 сентября/9 октября 1952 г.

⁴⁰⁹ Премьера оперы «Марко Спада» Д. Обера состоялась 9/21 декабря 1852 г.

⁴¹⁰ Приведем программу концерта 22 марта/3 апреля 1853 г., на котором присутствовал Глинка: Л. Бетховен. Пятая симфония, Хор дервишей и Турецкий марш из «Афинских развалин»; Г. Спонтини. Отрывки из II действия оперы «Весталка»; Д. Обер. «Радость любви»; В. А. Моцарт. Симфония C-dur. По словам Л. Крейцера — критика одной из французских газет, исполнение Пятой симфонии Бетховена было очень далеко от совершенства (см.: Revue et Gazette musicale de Paris, 1853, 10 avril, № 15).

⁴¹¹ Стремясь усилить влияние на Балканском полуострове и укрепить свое положение на Черном море, Россия 14 июня 1853 г. ввела войска в Молдавию и Валахию. В ответ на это Турция открыла военные действия на Дунае и на Кавказе, объявив 4 октября 1853 г. войну России. Англия и Франция вместе с Турцией и Сардинией, объединенные во враждебную России коалицию, объявили ей войну 15/27—16/28 марта 1854 г.

⁴¹² С кн. А. Д. Салтыковым Глинка встречался в Париже еще во время первого своего пребывания там в 1840-х гг.

Сравнивая портрет Глинки, литографированный в Париже Л. Кудерком, с рисунками Салтыкова, В. В. Стасов пришел к заключению, что тот был автором этого портрета (см.: Стасов В. В. Портрет Глинки, сделанный в Париже.— Статьи о музыке, вып. 4. М., 1978, с. 211).

⁴¹³ В письме к Л. И. Шестаковой от 26 июня/8 июля 1853 г. Глинка сообщал: «На этих днях посетил меня знаменитый Мейербер...»

⁴¹⁴ «Печатными экземплярами» могли быть клавиры обеих опер Глинки. Опера «Иван Сусанин» была издана в переложении для пения с фортепиано и для фортепиано в две руки (без пения) Л. Снегиревым в Петербурге в 1836 г. Опера «Руслан и Людмила» была выпущена в свет в переложении для пения и фортепиано фирмой «Одеон» в 1842 г.

⁴¹⁵ Первое представление оперы «Северная звезда» Дж. Мейербера на сцене Комической оперы в Париже состоялось 4/16 февраля 1854 г. Сюжет ее заимствован из жизни Петра I, но изложение событий очень далеко от исторической правды.

⁴¹⁶ Неточно. Троглодиты — первобытные люди, пещерные жители; шимпанзе — обезьяны, ведущие полудревесный образ жизни в лесах.

⁴¹⁷ Глинка и дон Педро выехали из Парижа 23 марта/4 апреля 1854 г.

⁴¹⁸ По-видимому, Глинка пишет о художнике Антуане Жозефе Вирце.

⁴¹⁹ Скрипач Г. Леонар был женат на певице Антонии Сичес ди Менди, двоюродной сестре Полины Виардо и племяннице Мануэля Гарсиа.

⁴²⁰ Прусским королем был тогда Фридрих-Вильгельм IV.

⁴²¹ Опера «Армида» К. В. Глюка была дана 13/25 апреля 1854 г. (см. письмо Глинки к Л. И. Шестаковой от 20 апреля/2 мая 1854 г.). После представления «Армиды» Глинка адресовал В. Ф. Одоевскому краткое послание (без даты): «Я видел „Армиду“. Довольно», подражая манере высказываться И. Я. Колмакова.

⁴²² В 1854 г. страстная пятница приходилась на 14/26 апреля. Оратория «Смерть Иисуса» К. Г. Грауна, сочиненная в 1755 г., исполнялась в Берлине ежегодно благодаря завещанному на это композитором капиталу.

⁴²³ Из Берлина Глинка и дон Педро выехали 14/26 апреля 1854 г. на Бреславль и Ченстохов. 20 апреля/2 мая он писал Л. И. Шестаковой уже из Варшавы. Там Глинка прожил не менее десяти дней — до 11 мая 1854 г.